

ДАРЯ СЛОВНИК

РАЗВОД

ПОДАРОК НА СВАДЪБА

Дарья Словник

Развод - подарок на свадьбу

<https://litres.ru/74345792>

Аннотация

Вы когда-нибудь заставляли своего мужа с любовницей? А в день свадьбы? Я вот застала! Теперь мне нужно начать жизнь с чистого листа. И я готова. Только мне постоянно мешают.

Из моей жизни не может уйти один мужчина, нагло врывается второй — наглый миллионер, который думает, что ему все должны! Он настойчиво врывается в мою жизнь и считает меня своей! Плюс ко всему еще обнаруживается одна крайне пикантная новость, которая переворачивает мою жизнь с ног на голову второй раз! Что теперь будет со мной - не знаю. Я же не Ванга... Но я точно не собираюсь опускать руки и сдаваться под натиском мужчин! Даже если у них есть все деньги мира!

_____ - провокационно - эмоционально - ХЭ - 18+

Историю Александры (подруги Ники) вы можете почитать в книге "Измена. Лучшая ошибка"

Содержание

Глава 1: Белая юбка.	4
Глава 2: Мама.	13
Глава 3: Что будешь делать дальше?	17
Глава 4: Вдруг мама права?	24
Глава 5: Решение.	29
Глава 6: Я хочу развод.	37
Глава 7: Дай мне шанс!	43
Глава 8: Махнем в Италию.	50
Глава 9: «Мои условия» или дура?	55
Глава 10: А если все же прилетит?	63
Глава 11: Собственно, здравствуйте, проблемы.	71
Глава 12: Сочи.	80
Глава 13: Уникальное предложение.	89
Глава 14: В другой жизни.	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Глава 1: Белая юбка.

Голова кругом, из меня льется смущенный, но счастливый смех.

Илья останавливается, прекращает крутить меня на месте, держа меня на руках. Мы оба в роскошных белых нарядах. Разве что мое взято в аренду. Но это такая мелочь!

Я счастлива! Наконец, этот день настал! Спустия семь лет мы, наконец, поженились!

Илья ставит меня на пол и целует в щеку.

— Хорошая моя.

Он прикладывается к бокалу с шампанским, а потом к моей шее влажным «шипучим» поцелуем. От него уже изрядно пахнет алкоголем, но пока еще это не перегар.

— Илюш, ты же помнишь наш уговор? Не напиваться, да? — целую его в нос. — Ты нужен мне сегодня в строю.

— Конечно, солнце, — Илья кивает и допивает бокал. Оставляет его на столик, что стоит рядом. Тыкает на него пальцем, гримасничает, мол, видишь, слушаюсь и повинуюсь, моя дорогая жена. Я закатываю глаза, но улыбаюсь.

Замечаю, как к нам, ловко и эффектно минуя пьяного коллегу Ильи, движется высокая молодая женщина в атласном белом платье. По ее открытым плечам рассыпались блестящие светлые волосы с золотым отливом. Я встречаюсь с ее глубоко темными, как угли, глазами и продолжаю улыбаться.

ся, внутреннее ощущая напряжение. От этого контраста в ее внешности между светлыми мягкими волосами и жесткими темными глазами у меня живот сводит.

Я надеялась, что никто из семьи Тарковских не приедет.

— Приветствую молодоженов. Поздравляю,— ее голос глубокий, бархатный. Она говорит мягко и с едва уловимым придыханием. Она улыбается, но глаза остаются холодными.

— Здравствуйте, Лилия. Спасибо. Я уже было подумала, что вы не приедете,— я улыбаюсь.

Не могу не улыбаться жене босса Ильи, который в качестве подарка на свадьбу купил нам квартиру...

Хорошо еще, что он предупредил нас с Ильей заранее, мы даже уже успели побывать там один раз. Если бы он подарил ее во время пиршества, преподнеся ключи на всеобщем обозрении, я бы точно упала в обморок. Мне и без этого хватало волнений.

Но, слава Богу, Роман Давидович был не из той категории мужчин, что кичились своим богатством и делали красивые жесты на публику. Он просто взял и подарил, отдав документы Илье в один из рабочих дней.

— Ну, что вы, как можно, вы же пригласили, — она протягивает Илье конверт, нежно улыбается полными губами в нежно-розовой помаде. — Извините, что так поздно. Дела-дела, — она вежливо сдержанно улыбается и тянется чмокнуть нас обоих в щеки. Илью первым.

— А Роман Давидович? — спрашивает Илья, отстраняясь

и оглядываясь. Лилия бросает на него томный укоризненный взгляд.

— Ну, Илья. Неужто вам меня мало, — опускает взгляд к полу, но тут же его вскидывает. — Шучу, шучу, — она мелодично смеется, едва касаясь пальцами Илью за локоть. — Увы, Рома не смог приехать. Ты же знаешь, работа-работа.

— Да, — кивает Илья. — Понимаю. В любом случае, спасибо, что заехали. Мы очень рады и благодарны. Я, конечно, хотел публично поблагодарить его за столь щедрый подарок, но...

— О, не стоит, — она не прекращает смеяться, но не улыбаться, глядя в глаза Илье. — Рома не любит внимания. Просто радуйтесь моменту, мои хорошие.

— Спасибо вам еще раз, — я сдержанно улыбаюсь, кивая. Переключаю ее внимание на себя. — Это очень щедрый подарок. Я когда узнала, чуть не упала.

Лилия снисходительно улыбается.

— Да, Рома умеет эффектно выбить почву из-под ног. Но я тоже кое-что умею. Откройте конверт.

Илья задумчиво и с любопытством в пьяных глазах раскрывает белый картон.

— Ого! — Илья радостно смотрит на Лилию. — Спасибо!

— Что там? — я не вижу.

— Рада сделать приятно, — томно тянет Лилия. — Это две путевки в Италию. Не бойтесь, это закрытая зона для особенных туристов. Все включено, эксклюзивно и по выс-

шему разряду. Отель только-только открылся, и там сейчас проходит одно интересное закрытое мероприятие. Думаю, вы сможете провести чудесную медовую недельку там.

— Но мы запланировали уже поездку на месяц в Сочи...
— мне не нравится то, как Лилия одним своим появлением портит мне вечер и будущий медовый месяц.

— О, милая, — еще одна снисходительная улыбочка полных губ Лилии. — Брось. Что делать целый месяц в Сочи? К тому же, не думаешь же ты, что Роман реально отпустит Илюшу на целый месяц? — она снова мелодично смеется, заполняя тишину после своих слов.

Снова касается пальцами руки Ильи...

Мне это не нравится...

Мне вот совсем не смешно.

— Спасибо большое, Лилия, мы обязательно воспользуемся вашей... вашим щедрым подарком, — Илья смачно прикладывает губами к ее щеке и мне впервые за вечер хочется отодвинуться от мужа. — Да, Ника?

— Ага.

— Что ж, я пойду чего-нибудь перекушу, если позволите, и откланяюсь. Илюш, покажешь, куда можно сесть? Я как раз тебе хотела кое-что рассказать.

— Конечно, конечно! — Илья кивает, взмахивая рукой в сторону столиков. — Вы можете вон там расположиться, я сейчас только дам отмашку официантам.

— О, спасибо, сладкий, — она подмигивает Илье, улыба-

ется мне и плавной походкой на высоких шпильках откланивается в сторону столиков.

— Постой, Илюш... — Я останавливаю мужа, но рука Ильи уже соскользнула с моей талии... — Что она имеет в виду? Что она может тебе рассказать? И вообще, что ты бегаешь перед ней? Она же сама может справиться...

— Ну, Ник, не ревнуй! — он хохочет. — Она же жена Романа Давидовича. Надо все сделать по высшему разряду. Тем более такой подарок подарила! Я быстро, солнце! Танцуй!

Мой главный вопрос остается без ответа...

Илья летит в сторону кухни...

Лучше бы он с таким же рвением танцевал первый танец молодоженов...

Я ощущаю поясницей холод. Там, где была рука Ильи, теперь ничто не греет меня.

Предательские мурашки бегут по открытой спине и меня передергивает. Отнюдь не приятно.

Черт, я ведь правда надеялась, что ни Лилия, ни Роман не приедут. Я уже даже расслабилась...

Но... вот. Одна Тарковская все же приехала.

— Уф, я вся потная, дай глоток сделаю! Это что за мымра в белом? Она что, не знает, что на свадьбе только одна девушка может быть в белом? И ваще! У нас дресс-код!

Ко мне подлетает Олеся. Сейчас мне кажется, что сэкономить на профессиональном фотографе и попросить мою

лучшую подругу «пофоткать» наш праздник - была не лучшая...

Я вновь ощущаю прилив стыда перед Олесей...

А она не замечает моих терзаний и выхватывает у меня из руки бокал с шампанским, который я мариную в руках уже почти час.

Пить не хочется. Мне хочется запомнить этот день и... ночь.

— Фу, теплое, — Олеся кривится, ополовинив бокал, но все же допивает.

Мне не до Лилии и ее наплевательского отношения к дресс-коду. Хотя да, надевать на свадьбу белое это как бы моветон. Но плевать...

Ее белое атласное платье - далеко не последний пункт в списке того, на что я закрыла глаза и пошла на компромисс.

Сранные компромиссы...

В моих мыслях я уже дома, наедине с Ильей, клубникой и мороженым, которое он будет слизывать с моей груди...

Только бы Илья разделил со мной это желание. Хотя ничего принципиально нового нас не ждет в брачной ночи, все же семь лет вместе уже, но я рассчитываю на эту ночь. Она должна стать вишенкой на торте. Дома уже ждет кровать, усыпанная лепестками роз и подготовлены свечи.

Я хочу сделать ее особенной, внести разнообразие и остринку в наши отношения.

— Это Лилия, жена босса Ильи. Так что ей наверно мож-

но... Она... — я закатываю глаза, отмахиваясь, — ...особенная. Забей.

— Ох уж эти «особенные». Ладно, пофиг, я же чего подошла... Там это, надо Сашкиной группе денег отвалить. Они уже все на сегодня. Да и диджей для дискотеки как раз прибыл им на смену. Надо остатки заплатить.

Я кусаю губы.

— Да, конечно, — киваю. — От самой Сашки-то ничего не слышала? Она тебе не писала?

— Не, у нее завтра похороны, так что, я думаю, сегодня она морально готовится.

— Блин... Ладно, я ей позвоню попозже. Так, а деньги для танцоров у Ильи должны быть. Сейчас, — я высматриваю мужа в толпе, но не нахожу его фигуру в белом смокинге. — Он должен был на кухню отойти... Сейчас найду.

— Окей, я тоже поищу.

Мы разделяемся. Олеся исчезает за колонной, а я двигаюсь в сторону кухни. Может, Илья там?

Не нахожу его. Обхожу весь ресторан. Кухня, зал, туалеты, раздевалка... Его нет! Он как сквозь землю провалился.

И Олеся, как на зло, тоже исчезла.

Мой идеальный день постепенно вянет к вечеру... Сердце в груди тревожно сжимается. Ладно, осталось немного потерпеть и домой!

Я подхожу к администратору ресторана, запыхавшись слегка от беготни и вспотев от волнения. Белоснежная ткань

платья неприятно липнет к животу, ноги ноют от каблучков.

— Мужа моего не видели?

— На улицу вышел.

— На улицу? Зачем? — я удивляюсь, невольно глядя на входную дверь.

— Не знаю, — флегматично жмет плечом девушка. — С женщиной вышел, проводить наверно.

— Нашел время, — вздыхаю устало и выхожу.

Легкий майский ветерок охватывает мою разгоряченную фигуру, щекочет обнаженную спину, и я моментально покрываюсь мурашками.

Оглядываюсь. Вдоль ресторана идет отсыпанная гравием дорожка, а между ней и парковой тянутся высаженные кипарисы. Они вертикалят пространство, разрезают его, оставляя дорожку как бы уединенной...

Вижу Олесю, что стоит на этой дорожке у кипарисов. Она будто прячется и снимает что-то на телефон, выглядывая между двух вечно зеленых деревьев. На лице подруги странная, неуместная улыбка. Точнее, больше усмешка, чем улыбка. Какая-то острая, злая.

— Олесь? Ты нашла Илью?

— Вот блин! — Олеся вздрагивает, чуть не роняя телефон. — Нет, нет! Не нашла!

— Что ты там снимаешь?

— Ничего! Пошли скорее, там наверно гости уже заждались...

Но я шагаю вперед и заглядываю между кипарисами.

Парковка. Куча машин. Но одна из них выделяется. Черный мерс...

Два белых наряда... В темном салоне машины они выделяются очень отчетливо, отражая свет из окон ресторана.

Знакомые до боли родные руки обхватывают обнаженные ягодицы, задрав белую атласную юбку...

Мой мир опрокидывается. Звуки стихают. В ушах поселяется мерзкий писк. Живот сводит судорогой. Я давлюсь воздухом, замирая.

Рука Ильи с кольцом на безымянном пальце сминает белую юбку и сжимает задницу Лилии под ней. И эта задница плавно двигается вверх вниз, изгибаясь в талии и насаживаясь на его член...

Я чувствую, как мое сердце падает в дыру. Дыру, которая образовалась на месте вырванного с мясом сердца...

Глава 2: Мама.

Как Олеся уводит меня обратно в ресторан, я не помню. Прихожу в себя уже в туалете, сидящая на унитазах. И только там меня накрывает.

Я рыдаю, как никогда. С надрывом, солеными слезами, соплями, слюнями.

Мой макияж превращается в жуткую маску.

Вскакиваю с унитаза, мечусь по туалету туда сюда, не зная, что делать и за что хвататься.

— Ненавижу! Ненавижу его!

Пышный подол платья подметает туалетный пол...

Из меня льются слезы и слова. Я несу какую-то чушь. Маты вперемешку с угрозами, а следом и мольбы...

Меня рвет на части, я мечусь по этому жалкому туалету, как бабочка-однодневка.

— Я сраная бабочка-однодневка!

— Блин, Ника, да никакая ты не бабочка... — Олеся пытается меня успокоить.

— Распустила свои свадебные крылышки и померла в этот же день!

Я говорю и сама себя не слышу. Слова прорываются сквозь писк в ушах плохо. Олеся останавливает от порыва побежать прямо сейчас на парковку, трогает руками за плечи, пытается обнять, что-то говорит.

Но я не слышу.

У меня перед глазами стоит одна картина: машина, белые наряды, голая задница, скачущая на моем муже...

Муже ли...

— На кой ляд мы поженились вообще?! — падаю обратно на унитаз. Из меня словно вытаскивают стержень...

— Так, что тут у нас случилось? Ника, девочка моя, что такое?

Передо мной появляется мама - немного пухлая, но находящаяся в процессе похудения. Ее бежевое платье эффектно маскирует ее лишний вес, но не маскирует то, что она сегодня переела и перепила.

Она уже знатно под шафе.

— Илья, он... — основные рыдания закончились, но я все равно содрогаюсь, дрожу и с трудом дышу. Глаза опухли, я ощущаю свои тяжелые веки, которые хочется закрыть.

— Что такое? Что Илья?

Вместо ответа Олеся сует телефон маме.

Она фокусирует пьяный взгляд на экране. И чем дольше она смотрит, тем сильнее съезжаются брови к к переносице.

Она досматривает и вдруг тычет в экран.

— Э, э, Оксана Федеровна, вы чего делаете?! — я в непонятках смотрю на Олеся, что вырывает телефон из рук мамы обратно. — Нахрена вы это сделали? Ника! Она удалила видос!

— Ма?

— Что Ма? Ну, что Ма? Не было ничего. А что там? Даже не понятно, кто это. Ну гости развлекаются...

— Это Илья! У нас белом только я и он! и она-а, — воюя, не понимая реакцию мамы. — И он трахается с ней... — я даже произносить имя ее не хочу. — Ты вообще на чьей стороне?!

— На твоей, глупая. Конечно, на твоей. И как раз я тебе сейчас не позволю сделать ошибку. Вы только-только начали хорошо жить. Квартиру вам подарили, работа у Илюши в самом разгаре, деньги хорошие! Живи и радуйся!

— Радоваться? Он мне изменил, мам! В день свадьбы! Ты.. ты...

— Ну, отомсти ему в ответ. Подумаешь беда. Он мужик! Ты как будто мужиков не знаешь. Ну, что с них взять? Они все одинаковые. Только юбку увидят, сразу тянутся за ней. Это их суть. Плюнь, забудь, не было ничего. Он тебя выбрал, это главное. Он с тобой жизнь связал. Остальные бабы лишь конфетти. Как сигареты-одноразки. Побаловаться.

Я даже отреагировать не могу как-то...

Мамины слова добивают меня.

Ерунда? Измена это ерунда?

— Я ваще с вами не согласна, тетя Оксан. Это ваще хрень какая-то.

— Ты, Олеська, еще замужем ни разу не была, так что не надо тут меня учить. А я в браке почти тридцать лет... Была. Уж знаю, о чем говорю. Или ты думаешь, дочь, твой папка

идеальный муж был? Ха! Да мы так долго прожили как раз потому, что я знала о его гуляниях! И ничего, каждый раз возвращался, меня выбирал. Земля ему пухом.

Я смотрю на нее, едва дыша. Застыла, вцепившись в стенки туалетной кабинки... Олеся смотрит на мою маму с гримасой несогласия на лице.

— Все. Давай приводи себя в порядок, гости ждут, там вон какое пиршество! И все Илюша оплатил. Ну, подумай, куда ты без него? Работы нет, денег не имеешь. Жилье только-только получили, и делить сразу придется. Ну, что это такое? Давай не саботируй свою жизнь, доченька. И мою тоже. Илюха вон почти закрыл уже мой кредит. Там осталось чуть-чуть. Он кормилец, понимаешь? Хороший мужик, нормальный. Раз может другую бабу оприходывать, значит, здоров, как бык. Значит, все в порядке с ним, как с мужиком, понимаешь? Таких сейчас днем с огнем не сыщешь. Так что не ерепенься, дочь. Я пойду гостей отвлекать, а ты приводи себя в порядок и приходи. Олесь, помоги ей, ну, — она гладит Олесю по голове, та уворачивается от ее касания с гримасой отвращения, но мама не обращает внимания на это и исчезает с моих глаз.

— Пиздец подкрался незаметно, — Олеся смотрит на выход из туалета, потом на меня. — Это че вообще было сейчас такое?

Глава 3: Что будешь делать дальше?

Я всхлипываю, содрогаюсь и складываюсь пополам, падая на колени. Дышать тяжело. В груди словно вакуум образуется.

— Раздышаться не можешь, да? Ну, ну, — она трет меня по спине. — Капец у тебя мама. То же мне, гений. Удалила она видос. Молодец. Ага. Корзину надо очищать вообще-то. Во, восстановила, — Олеся сует мне под нос телефон, я снова вижу ту же картину. Парковка, белые наряды, голая задница...

Всхлипываю.

— Ой, сори, да. Ну, короче, сохраню-ка я на облако, на всякий случай.

— Я хочу уехать.... — сиплю. — Пожалуйста.

— Поняла. Ща все будет. Такси вызову.

Я только киваю, чувствуя, как в груди сосет пустота.

Интересно, а Лилия ему сосала? Этим она была лучше меня?

Ну, почему?! За что?!

Олеся оставляет меня в туалете, я закрываюсь в кабинке. Замираю статуей самой себе... Памятником всем преданным женщинам.

Так вот закончилась моя идеальная свадьба.

Член мужа в чужой вагине. Я прячущаяся в туалете. И мы все в белом...

Как символично.

Я дожидаюсь Олесю в странном оцепенении. Только дышу и смотрю в точку.

В голове пролетают старые воспоминания и новые... Сижу, сравниваю как было в начале, как было совсем недавно и как стало сейчас.

Задумываюсь... а что будет дальше?

В голове пустота. Я не знаю, что будет дальше.

Я не знаю, как реагировать. Мне просто больно. Грудь словно кто-то изнутри скребет когтями.

В начале наших отношений все было славно. Мы познакомились с Ильей, когда еще оба учились. Я была на третьем курсе архитектурного, он на пятом - юридического.

Он - высокий, черноволосый, улыбающийся, полный надежд и амбиций.

Я - чуть пониже Ильи, светловолосая, но тоже улыбающаяся, тоже полная надежд и амбиций.

Я была самой счастливой. Наши отношения окрыляли меня. Они не отвлекали, а наоборот вдохновляли...

Я думала, он сделает мне предложение после того, как закончит институт. Думала, наш брак будет идеальным. Думала, мы будем работать вместе, а по вечерам, сидя на балконе нашей квартирке, будем пить чай и рассказывать

как прошел наш день...

Я думала, что стану архитектором... Илья - крутым юристом. Я рожу и буду работать по-тихоньку, в удовольствие.

Наивная.

Нет, нет, в целом, наши отношения были хорошими, просто более приземленными, нежели в моей голове.

Да и архитектором, в принципе, я стала.

Просто не надолго. Два года. Два счастливых года в профессии, которую выбрала сама.

А потом Илья устроился к Тарковскому в компанию и...

Он сказал, что я больше могу не работать. Он сказал, что ему нужна нежная жена, заботливая жена, ухоженная жена, а не затюканая работой.

Как у Тарковского.

Сказал, что ему нужна жена, что будет поддерживать его и ждать дома с работы. Он сказал, что не хочет, чтобы я загоняла себя работой.

Он сказал, что хочет быть для меня идеальным мужчиной, как Роман Тарковский для своей жены. Илья сказал, что будет меня... содержать... Заботиться обо мне...

Я не буду нуждаться...

Он сказал, что очень любит...

И я... согласилась. Я была окрыленной даже тогда. Особенно, когда мама поддержала такое решение Ильи, и сказала, что о таких словах мечтает каждая женщина.

Я, конечно, мечтала создавать грандиозные здания и изу-

чать архитектуру других городов... но это тоже был хороший вариант. Действительно, какая женщина не мечтает о том, чтобы наслаждаться жизнью и не работать.

Все правильно, все как надо... Женщина красивая, мужчина - работает.

Илья сказал, что дома я могу рисовать все, что вздумается и выкладывать в соц сети.

Так я и сделала... рисовала, выкладывала, встречала его дома, слушала о его заседаниях, победах в сложных делах, повышениях...

И...

Просто существовала. Без смысла. Ребенка мы так и не родили.

Я просто была рядом. А он там... на работе. Работа, работа. Много работы.

Мы ни разу не попили чай на балконе. Но, я слушала его рассказы. Хотя бы это случилось из моих фантазий.

Теперь же я не знаю, сколько было работы в его работе.

Сколько из тех рассказов правды, а сколько лжи?

Всегда ли, когда Тарковский вызывал его среди ночи или когда заставлял его оставаться допоздна, Илья ехал именно к Тарковскому...

Что. Из этого. Правда?

Глядя вокруг на знакомых, подруг, бывших одногруппников, я видела как они тоже работают, женятся и заводят детей.

Становятся полноценной ячейкой общества.

Плюс мама тоже настаивала на том, чтобы мы с Илюшей поженились и родили уже, наконец, ей внука.

Да только Илья не хотел торопиться, а я сначала боялась беременеть при такой его загруженности... А потом мысль завести ребенка стала моей идеей фикс...

Мне нужен был стимул жизни. Смысл...

Потому что меня перестало радовать вообще все. Казалось, что я живу чисто чтобы встречать Илью на пороге.

Даже готовить для него смысла не было, он ел в городе.

Даже истории с работы со временем он перестал рассказывать, потому что стал работать личным помощником Тарковского, а там... соглашение о неразглашении.

Я перестала чувствовать себя кому-то нужной. И ребенок стал отличной для меня мотивацией.

Да только Илья отказывался!

Ну как... Нет, напрямую он не отказывался, но он мягко говорил: «еще рано, дорогая, мы не достаточно окрепли».

«Еще квартиру не купили»

«Как купим, так сразу ребенок»

«У меня работы много. Вот заработаю на квартиру, устроюсь в другое место и сможем заводить»

«Ребенок это ответственность. Сейчас мы не можем безответственно подойти к этой задаче. Денег не достаточно. Квартиры нет...»

Тяжело дышу.

Теперь квартира есть. А смысла в ребенке нет.

Какой теперь ребенок...

Я закрываю глаза, медленно моргаю. Слышу шаги. Олеся приходит и вырывает меня из кабинки туалета с корнями. Мы переодеваемся прямо там и сбегает, засунув свадебное платье в большой пакет. Его еще вернуть надо...

Да. Платье я верну...

А время мне кто вернет?

Время потраченное впустую...

Я уже вроде отошла, могу мыслить, говорить... только дышать больно.

Жить больно.

— Все, валим. Такси ждет. Короче, я забрала твои шмотки, телефон, хавчика взяла с тортом и сумку с подарочными бабками.

— А их зачем? — мой голос тяжелый, сиплый. Не такой, как был еще пол часа назад.

— Ник, ну не тупи. Это бабки! Мало ли что!

— Мало ли что, — эхом повторяю, загружаясь в такси. — А что именно «что»? Что еще может случиться...

— Например, эта шлендра заграбастает бабки!

— Олесь, эта шлендра богатая настолько, что подобную сумму тратит за один поход по магазинам.

— Пофиг. Там еще мамаша твоя меркантильная шарится.

— Олесь... — я морщусь. — Давай легче. Она все-таки моя мама.

— И че?! Ты слышала ее вообще?! «Забыть»?! Ебать, она, конечно, умная! А может ему еще подогнать пару бабенок? Ну, пусть не в тачке, а домой еще притащит одну-другую шалаву. А че? Мужик же! Зато, бля, кредит закрыл. Огонечек ваще! Я вот вообще не удивилась бы, если б она реально забрала ваши бабки себе.

Я поджимаю губы. Не могу поддержать Олесю, но и спорить с ней не могу. К сожалению, я знаю свою маму... точнее, знала ее отношение к деньгам. Но сегодня моя мама открылась мне в новом свете.

Поэтому спорить с Олесей я сейчас не могу. И не хочу. Мне вообще не до споров.

Сползаю ниже по сиденью, упираюсь коленками в переднее пассажирское сиденье.

— Родителей не выбирают.

— Зато можно выбрать общаться с ними или нет. Я б на твоём месте подумала.

Я игнорирую. Мне сейчас не до обдумывания отношений с мамой.

Меня волнует другое... И Олеся меня понимает.

— Так и че ты сейчас будешь делать? Развод?

Глава 4: Вдруг мама права?

— Так и че ты сейчас будешь делать? Развод? — Олеся заглядывает пытливо и с сочувствием мне в лицо. — Я б развелась на твоём месте.

Я отворачиваюсь, не зная, что ответить. Подавленно молчу, глядя в окно на пролетающий мимо ночной город.

— Не знаю... Вот забавно будет, когда я приду в ЗАГС на следующий день после свадьбы, чтобы подать на развод...

— Лол, да, анекдот прям, — фыркает Олеся.

Я немного молчу, кусая свадебный маникюр. Он мерзкий на вкус.

Смотрю на кольцо, кручу его на пальце. Фианит на нем подмигивает мне своим прекрасным светом. Но... издевательски как-то.

— А если мама права? — шепчу, глядя на Олесю.

— В чем это, бляха муха?

— Ну... Вдруг все мужчины изменяют?

— Ника, не ведись на эту хуйню. Не изменяют все. Они все любят трахаться, да, тут не спорю. И да, желают подсознательно сразу иметь нескольких баб. Мечтают об этом просто. Но!

— Но?

— Есть те, кто умеют себя контролировать и держать свой член в штанах, осознанно выбирая одну женщину. А есть та-

кие как Илья.

— Покажи мне таких... Как первый вариант, — бормочу.
— Я думала, что Илья именно такой... Первый вариант. Что он выбрал меня. Что он любит меня!

— Ну, — Олеся жмет плечами. — Опытным путем выяснили, что нет.

— Угу... Я думала, что делаю достаточно, чтобы он не смотрел на сторону. Я ведь в это искренне верила. Я была уверена в этом на сто процентов! Я думала, что у него не остается сил и времени ни на что другое, кроме работы. На меня даже зачастую не оставалось!

— Ну, может как раз из-за этой бабы на тебя и не оставалось?

Я ошарашено гляжу на Олеся, она поджимает губы и жмет плечами.

— Что я делала не так? — шепчу шокировано. — Что?

— Да все нормально ты делала. Тут не в тебе проблема...

— ...За домом слежу, за собой тоже. Йога, фитнес. Хотя я его терпеть не могу. Мне бы и йоги хватило. Калории считаю, чтоб не дай бог не набрать лишних килограмм... Илья ведь не любит толстых. Я даже крашусь, а ведь у меня аллергия на косметику. Не сильно ярко, да. И гипоаллергенной тушью, тенями, без тоналки, да, но это не делает меня откровенно некрасивой... Ведь не делает, а?

— Да конечно, нет! Але, прием, Ника на бронепоезде! Не в тебе проблема! Не ты виновата. Ты вообще соска-нереалка,

— Олеся фыркает, улыбаясь своей шикарной симметричной улыбкой.

Олеся не красотка в привычном стандартном понимании красоты в обществе. У нее тяжелый взгляд из-за нависающих век и нос с горбинкой, доставшийся от отца-грузина. Но при этом взгляд лисий, раскосый, глаза насыщенно шоколадного взгляда и просто шикарные густые волосы. Узкие губы и выдающийся подбородок, но при этом улыбка у нее просто потрясающая. Симметричная, с ровными и белыми от природы зубами. Прямо голливудская улыбка.

Мне в свое время пришлось зубы отбеливать...

Я всегда считала Олесю красивой. Да и у нее благодаря приличной самооценке и харизме никогда не было проблем с самовосприятием. Как, собственно, и у Сашки. Это я из нашей троицы самая неуверенная в себе.

— Ага... Соска-нереалка. Мне всегда приходилось доказывать, что я красивая. Всегда приходилось поддерживать то, что есть, подчеркивать, чуть ли не выпячивать...

— Ну, и нахрена?

— Ну как..? Чтоб Илья любовался мной. Чтоб гордился, что у него такая красивая жена. Чтоб видел, куда идут его деньги...

— Ля... Ни-и-ка-а...

Я не слушаю ее, не обращаю внимания на закатывание глаз.

— Я же стараюсь, честно... Расслабляю его всяко разно

после работы. Массаж, минет, стриптиз... Все что захочет любимый!

— Я сейчас утону в этих соплях...

— Что ему не хватало?!

— Реально. Захлебнусь сейчас... Или вообще блевану.

—... И как давно стало не хватать... Как давно он и Ли...

— я беспокоюсь грызу ногти и почти не слушаю Олесю.

Я уже не знаю, кого слушать.

Маму, что прожила в браке почти тридцать лет и закрывала глаза на измены?

Или Олесю, что в браке не была, но при этом чувствует себя превосходно без мужа, детей и при этом работая? Кто прав?

— А если это вообще несерьезно? Вдруг это один единственный раз? Может он был просто пьяным... А она... В белом... Может он перепутал нас?

— Ника! — Олеся хватается меня за плечи и встряхивает. — Перепутал? Ты вообще не але что ли? Очнись! — она шлепает меня по щеке. — Не реально вас перепутать будучи даже в усмерть пьяным! Он тебе изменил, камон! — Я ловлю на себе взгляд таксиста через зеркало заднего вида и почему-то испытываю стыд. Как будто это я виновата... Может и виновата. Не справилась. Не удержала... Отвожу взгляд. — Короче, раз ты невменько, тебе надо мозги вправлять. Едем к тебе за шмотками, а потом ко мне, а потом... Посмотрим... Решаем проблемы по мере поступления.

Спасибо за ваше время и внимание!

Ягодки мои, если хотите поддержать автора, тыкайте на звездочку и оставляйте ваше честное мнение о героях, сюжете и книге в целом в комментариях. Мне оно, правда, очень важно. Очень сильно вдохновляет, когда видишь обратную связь.

Я все читаю! И даже если не успеваю ответить, будьте уверены, ваш отзыв не останется незамеченным.

Всем добра и спокойствия:*

Глава 5: Решение.

Я открываю дверь, шурша платьем и пакетами. Включаю свет и замираю на секунду от вспыхнувшего отражения в зеркале, что висит прямо напротив двери.

Туш и тени потекли, смазались, превратив меня в какое-то подобие несчастной тощей панды. Светлые волосы в изысканной косе растрепались. Я опускаю взгляд и смотрю на лепестки роз, которые сама раскладывала еще несколько часов назад перед самым выходом.

Теперь все эти лепестки, заколки, платье... - вся эта мишура кажется мне каким-то издевательством.

Фу, какая же я жалкая.

До чего докатилась...

— Давай, давай, не тормози, — Олеся меня подталкивает сзади, и я отмираю. — О, цветочки. Эт так и задумано?

Я молча скидываю пакеты и сразу же иду в ванну.

— Ник, ты че обиделась? — захлопываю дверь, но ручку дверную не отпускаю. Слушаю. — Ник, послушай, я понимаю, тебе не нравится то, что я говорю. Ну, а че, мне твоей хандре потакать что ли? Еще чего. Хватит в жертву играть! Вылезай из этой роли! Ты ж сильная! Всегда такой была! Хватит ныть. Соберись! Или я сейчас Саше позвоню и она тебе доступно объяснит, в чем ты не права. Она тебе напомнит, почему именно мы, бляха муха, вообще дружить на-

чали. Камон! Просыпайся!

Я раскрываю дверь обратно, Олеся отшатывается.

— Я не обижаюсь и не играю в жертву. Я помню как мы дружить начали, — немного задумываюсь. Подростковых воспоминаний мне только не хватает. — Не трогай Сашу, ей сейчас не до этого, — холодно хмурюсь. Моя истерика прошла и ей на смену пришел полный штиль. — Я просто хочу умыться и снять уже это чертово платье. Дай мне побыть одной и подумать.

— Окей, — Олеся поднимает руки ладонями кверху, выгибает губы, гримасничает, но видно, что хочет улыбнуться. — Оки доки, хорошо, прекрасно, ладушки! Жду там.

Я снова закрываю дверь и, наконец, остаюсь одна. Первым делом стаскиваю платье и вылезаю из этого прекрасного ансамбля белой органзы и тафты. Белые кружева уже несколько пообмялись, а по подолу стали серыми.

Я остаюсь только в белых стрингах и застываю у раковины. Упираюсь в ее холодную поверхность горящими ладонями и бедрами. Ищу опору, чтоб не сползти на пол.

Смотрю на себя, вглядываюсь, пытаюсь понять, кто я такая.

Кто отражается сейчас в зеркале?

Я смотрю на себя, зареванную, с опухшими глазами и понимаю: это не дело.

Напортачил Илья, а чувствую виноватой себя я. А ведь я не сделала ничего плохого.

Даже наоборот.

Он просил хорошую жену и я была такой. Пусть только попробует заикнуться о том, что я не была.

Была!

Бросить работу? - пожалуйста.

Готовка? - держи.

Уборка? - конечно, как без нее. Дом - полная чаша.

Быть красивой и ухоженной? - конечно!

А как без этого? Ведь некрасивых не ценят. Некрасивых не держат рядом. Некрасивых не замечают...

Но в чем тогда проблема?!

Я все это делала!

И все мои старания оказались растоптаны.

Что вот мне теперь делать? Молчать? Сделать вид, что ничего не было? Или скандалить? Подавать на развод? Так меня же закидают обвинениями, что я не сберегла отношения... Вон, мама уже накинула дерьма на вентилятор.

При чем я от нее не ожидала такого... Я ей еще выскажу по этому поводу, я этого так не оставляю.

И я не хочу чувствовать себя виноватой за то, что не делала. Я наоборот, старалась. Это не я все разрушила, засунув член не в ту девушку «в белом».

Как это объяснить? Не маме. Самой себе...

И тут меня накрывает такой лютой злобой...

Даже не на Илью. Не на маму. Не на Олесю с ее правдой-маткой. У них у всех своя правда.

А моя правда в том, что я реально стала другой! Жалкой жертвочкой. Расслабилась за мужчиной. Решила, что раз он мне наобещал с три короба, то так оно и будет до самой нашей кончины.

Я поверила, что наши отношения - раз и навсегда. Дура! Наивная дура!

Забота? Дети?

Три раза ха!

Илья на это все положил свой болт! И злиться мне надо не только на него, но и на себя! Я позволила сделать это с собой. Я! Я позволила так относиться к себе!

Добрая. Ласковая. Надежная...

А может просто удобная, а?

Щурюсь, глядя на себя. Чувствую тихую ярость, что булькает во мне, закипая. Постепенно эта ярость выталкивает из меня чувство вины и даже заглушает обиду за себя.

Если Илья не ценил меня, то... окей. Хорошо. Гуд. Славно. Прекрасно!

Так и быть.

Я больше не позволю собой пользоваться. Я больше не поведусь на эти сладкие речи и обещания. Я же даже не знаю, сколько стоит пиздабольства за этими красивыми словами и обещаниями.

Он привык, что я не скандалю, не пилю мозг, соглашаюсь, не перечу, берегу его нервы. Он ведь устает!

Сволочь! Видела я, как он устает.

Он привык, что я - любящая, заботлива, хорошая девочка. Та, что не кричит, не спорит. А если и спорит, то спокойно, мягко. Я научилась быть женщиной, пользоваться своей слабостью.

Я стала такой ради него, изменила себя. Я ведь была другой...

Я была дерзкой, пробивной. Не боялась выражать эмоции и свои мысли. Танцевала до упаду. Если хохотала, то до слез. Если хотела есть вкусную и вредную еду - ела. Если хотелось гулять всю ночь до утра - гуляла. Наслаждалась этой жизнью, ловила ее красоту и хотела сама привнести в нее что-то прекрасное...

Я тянула на себя не только свое одеяло, но еще и чужое могла захватить. Но это было тогда, во время учебы и работы, еще каких-то пять-семь лет назад.

И ради Ильи я изменилась... Ведь я правда думала... верила...

Я ему верила...

И к чему это привело?

Еще никогда я не чувствовала себя поганее, чем сегодня.

Даже когда мать орала на меня, пытаясь вбить мне в голову, что я поступаю тупо, выбирая архитектурное и не слушая ее. Я это пережила. Отстояла свое право.

Даже когда папа умер, я чувствовала себя по другому. Это закономерное событие. Все умирают. Скорбь - это нормально.

Даже когда ушла с работы, у меня оставался Илья - мужчина, в любовь которого я верила и которого любила сама. А теперь...

Но теперь я понимаю, что какие бы чувства я еще не испытывала к Илье, я не смогу быть рядом с ним. Не смогу простить. Не смогу делать вид, что я ничего не видела, не знаю, не понимаю...

Я не дам вытирать о себя ноги. Я не смогу жить, как моя мать, как другие женщины, что закрывают глаза на измены или даже прощают их.

Я не смогу делать вид, что все хорошо, что я такая хорошая жена за своим настоящим сильным мужем. Очень многие так делают, а я не хочу.

Я не хочу для себя брак, в котором мой муж считает, что может так поступать, а я его прощу. Просто потому, что мне некуда больше пойти! Бред!

Ну, какой же бред!

Я тут не какая-то жалкая несостоятельная нюня!

У меня есть самое главное - я сама.

Я решительно стаскиваю кольцо с пальца и оставляю его на зеркале. Смываю макияж и выхожу к Олеся, что задумчиво потягивает винишко на кухне в тишине.

— Ну, как? Подумала? — изгибает изящную бровь Олеся, окидывая меня голую насмешливым взглядом.

— Ага.

Я иду в комнату, где на кровати разбросаны чертовы ле-

пестки, надеваю на себя футболку и на секунду залипаю на кровать...

А потом срываю покрывало. К черту лепестки!

Выхожу к Олеся на кухню, сажусь на стул.

— Так, ну и чего ты как оплывшее грустное мороженое?

Кошусь на нее.

— Я б посмотрела на твою реакцию, если б у тебя был мужик и ты б его застала с другой.

— Вот именно! Я б ему рожу начистила! И ей заодно!

Я морщусь.

— Давай по-честному, ок? — смотрю на нее с интересом.

— Я тебя вообще не узнаю. Я тебя помню вообще другой. Ты за эти семь лет превратилась в... нет, ты не озлобилась, как другие в нелюбимом браке.

— Это не был нелюбимый брак. Это вообще был не брак.

— Дослушай. Разница не большая. Что со штампом, что без штампа. Вы были парой. Ну, и я не лезла со своими нравоучениями. Это уже как бы твое дело, как со своим мужиком ты живешь.

— Предсказуемо очевидное «но». Давай уже, руби свою правду-матку.

— Да чего тут рубить. Было бы что рубить. Ты изменилась. И по-моему не в лучшую сторону. Работу бросила, хотя я помню, как ты горела ею. Ты ж прям пылала! А какие проекты ты хуярила? Да, да Винчи бы удавился!

— Ты преувеличиваешь.

— Может и преувеличиваю. Только посмотри на себя? Что за лужа аморфная передо мной? Раньше ты была другая. Та Ника, с которой я дружила с самой школы, была дерзкая, бойкая, целеустремленная. Та Ника пошла против мнения мамочки и пошла в универ на архитектора учиться, а не на юрфак, как хотела мамочка. Та Ника создавала крутые проекты, зажигала на танцах вместе с Сашкой. Та Ника не позволила бы какому-то мужику вытирать о себя ноги. А эта Ника променяла себя на хуй с бабками.

— Тогда у него еще не было бабок, Олесь, — жую задумчиво губы.

— Тогда просто на хуй и хрен знает что.

— На любовь, спокойствие и безопасность. Он же обещал заботиться. Он и заботился...

— Ага, поебывая другую.

— Олесь...

— Ну что «Олесь»?!. Что Олесь? Еще скажи я не права. Хватит его защищать.

— Ты серьезно? Я этого засранца не защищаю. Я пытаюсь... — оправдаться перед подругой, перед собой... — Ладно. Хрен с ним. Можно пожить у тебя несколько дней, пока работу не найду и не сниму квартиру?

Глава 6: Я хочу развод.

Просыпаться у Олеси очень непривычно.

Во-первых, у нее много пространства в квартире. Она живет одна. И поэтому ее квартира скорее походит на художественную студию, чем на классическое место жительства.

Куча аппаратуры для фотосессий, фото-картины повсюду и висят, и стоят, и лежат...

Во-вторых, у нее окна очень большие и без штор, поэтому света проникает в пространство очень много. А еще здесь мало обычных бытовых удобств типа шкафов, ковров, диванов, полочек... Поэтому здесь очень светло, пусто, но по-творчески уютно.

И пахнет каким-то странным сухим запахом полиграфской краски и новенькой ткани.

Но как бы мне непривычно здесь не было, я понимаю, что скучаю по этим ощущениям...

Когда я еще работала архитектором, у меня рабочее место тоже напоминало подобную «картину». Только в масштабах поменьше. Просто рабочее пространство в офисе. Мой уголок. Довольно небольшой в сравнении со студией Олеси, но уютный.

Я спала на футоне сегодня. Олеська не фанат диванов или кроватей, поэтому заказала себе такие вот японские лежанки.

Не могу сказать, что это круто, но сегодня мне все равно. Сегодня не важно, где б я спала, все равно ворочалась, как вошь на гребешке. В сон протискивались переживания из реальности и мне все казалось, что со мной говорит то Илья, то Лилия, то мама...

Из этой какофонии голосов в голове меня вытянул бархатный запах кофе...

Проснулась и лежу, слушаю, как Олеська шуршит на кухне на стенкой. Дверей нет, поэтому я отчетливо слышу каждый ее шаг и движение.

В конце концов, мне надоедает просто лежать, да и желудок призывно тянет, так что я поднимаюсь. Натягиваю халат, что Олеся мне одолжила.

Он из скользящего прохладного шелка темно-зеленого цвета. Не скажу, что мне удобно. Я привыкла к махровым - мягким, теплым и уютным.

Но все же он приятно скользит по телу и от него интересно пахнет. Стиральным порошком, парфюмом Олеси, немного сигаретами и... немного свободой.

Я выглядываю на кухню.

Олеся в коротком шелковом черном халатике возится у плиты. Умопомрачительный запах свежесваренного кофе проникает мне в нос, и я вдыхаю его полной грудью...

— Привет.

— Доброе утречко, — Олеся оборачивается. — Как самочувствие? Жилье устроило?

Я криво улыбаюсь, опираясь плечом о край стенки.

— Жилье у тебя прекрасное. Тем более, оно лучше, чем наша квартира...

— С видом на измену, — фыркает Олеся и разливает кофе по кружкам. — Будем считать, что ты прошла обряд очищения через унижение.

— Оле-есь...

— Та ладно, ладно! Я так... немножко разгоняю неуместный юмор. Все, закончила. Пей, — она ставит кружки на стол.

— Спасибо. Я вот тут подумала...

— Только не про «а вдруг он правда перепутал»... Я тебя умоляю.

— Нет, не об этом, — коротко мотаю головой. — Я это... Не знаю, за что схватиться. Определенный план есть, но... Пока я что-то в растерянности.

— И это отлично, — отвечает Олеся спокойно. — Первый раз за долгое время ты в точке ноль. А точка ноль - это лучше, чем точка минус семь.

— Минус семь?

— Минус семь лет твоей жизни, когда ты жила амебой. Ты сейчас оказалась в ситуации, когда будешь за себя ответственна и принимать решения сама. Конечно, ты растеряна. Не переживай, соберешься, я в этом не сомневаюсь. Пей кофе, не напрягайся. И подумай, что хочешь.

— Развестись.

— Да это понятно. А дальше?

— На работу хочу. На настоящую. Чтоб дело было и радость приносила.

— Ну, это ты загнула. Радость... Радость от работы?! Ха! Ты юмористка!

— Ну, ты же получаешь радость от работы...

— Я-то? Я-то получаю. Но так же и гемора получаю вагон и еще один вагон. Просто для меня это приятный гемор. Я его сама выбрала.

— Я тоже хочу сама выбирать. Это лучше, чем жизнь амебы. Сама говорила.

— Уела. Ладно. Ты умница. Я тебе покажу пару вариантов, от которых можно оттолкнуться. Архитекторы, кстати, снова в моде. Стройка растет, кризис падает, как ни странно. Живем.

— А если не возьмут? Я пять лет ничего не делала. Только инсту вела и ВК...

— И ты вдруг резко забыла, что вела его так, что у тебя почти три косяра подписчиков, а твои рисунки сохраняют в подборки многие дизайнеры? Ты ж не просто девочка, что красит ногти и варит борщ. Не прибедняйся и не приуменьшай своих заслуг. Ты же знаешь, я такое не люблю. Ты классная. Запомни и не сомневайся.

— Не надо гнать на девочек, что варят борщи. Это тоже не просто. Попробуй сделать его так, чтоб на следующий день он не потерял свой цвет и вкус и не превратился в чачу, —

ворчу, но все же ее прямолинейные слова рожают во мне улыбку.

— Ой, бляха муха! Иди ты. Мне проще купить этот твой борщ. Или сходить в кафешку поесть.

— Ну, не все такие состоятельные и свободные мадамы, как ты.

— Ладно, ладно, я тебя поняла. Тут это, твой телефон разрывался от звонков, пока не сел.

— И ты молчала?!

— Ну, а чего? Это Илья звонил. А ты спала. Подождет.

— Блин...

Мое сердце как будто проваливается в яму на скорости. Понимаю, что по хорошему, с ним нужно поговорить. Но так не хочется...

Телефон все-таки нахожу, ставлю на зарядку и замираю до тех пор, пока гаджет не приходит в себя.

Меня бы так кто подзарядил.

Телефон тут же начинает вибрировать от уведомлений об смс и звонках. Звонков оказывается восемнадцать. Смсок в разных соц.сетях и того больше.

В сумме насчитываю сорок семь красных кружочков не прочитанных сообщений.

Читать не хочется, да я и не успеваю что либо сделать. Ни открыть сообщения, ни набрать Илью.

Он сам мне звонит.

Я смотрю на Олесю, показываю на телефон и иду в ванну,

чтоб поговорить со своим пока еще мужем без лишних ушей, не отвлекаясь.

Принимаю звонок.

— Алло.

— Ника, твою мать! Ты где?! Что случилось?

От его ора в трубку сердце делает кульбит. Я кусаю губу, морщусь, отстраняясь от микрофона.

— И тебе привет, любимый, — холодно откликаюсь. Звук моего голоса звенит в ванной.

— Господи, привет! Привет, Ника! Где ты? Почему я должен тебя искать как оголтелый, когда у меня башка трещит после вчерашнего? Капец ваще... Проснулся, тебя нет, цветы разбросаны, чет ваще ничего не понимаю. Что вчера было? Я не помню, как мы домой вернулись... Ты где вообще?

Я сглатываю вязкую слюну.

— Рада, что ты даешь вставить мне слово.

— Что за тон? Что случилось?

— Случилась вагина Лилии на твоем члене. Я хочу раз-
вод.

В трубке повисает тишина. Тяжелая, гнетущая. Прямо вот интересно, что он скажет?

Поэтому я молчу и жду реакции от него.

Глава 7: Дай мне шанс!

— Случилась вагина Лилии на твоём члене. Я хочу развод.

Наконец, Илья отмирает по ту сторону нашего звонка.

— Чего? Что за бред?

— Бред? Хочешь сказать, мне показалось?

— Э... Так. Я ничего не понимаю, давай успокоимся...

— Я спокойна.

— Давай успокоимся! Ты скажешь сейчас, куда ты упиздохала, напридумав себе какую-то хрень, я приеду и мы спокойно поговорим. Окей?

— Нет, не окей. Я ничего себе не придумывала, дорогой. Я прекрасно видела, как вчера на нашей свадьбе Лилия скакала на тебе в ее тачке. Я не слепая, знаешь, ли...

— Ника, что ты такое несешь? Какая тачка? Какая Лилия! Ты вообще понимаешь, что это бред? Ты что, перепила что ли? Я не понимаю...

— Это ты перепил. Сам сказал. А я трезва. Возможно за много лет я впервые трезва по-настоящему! И трезво оценила наши отношения. Я хочу развод.

— Да мы только поженились! Какой нахуй развод?!

— Обычный. С разделом имущества.

— Бля-я-я... Ну, ты, конечно, молодец... Интересная, просто пиздец!

— Будет еще интереснее, если откажешься. Будем разводиться тогда через суд. Вот судья повеселится, а? Подали на развод сразу после свадьбы...

— Вот именно! Вот именно, Ника! Это же бред! Кто тебе этот развод даст? На основании чего? На основании того, что тебе что-то померещилось или приснилось? Что за цирк ты устраиваешь? Так, быстро говори, где ты, я приеду и мы поговорим. Хрен пойми, что ты там себе напридумывала...

— Значит напридумывала? Окей. Приезжай. Я у Олеси, — я решительно обрываю звонок и возмущенно выдыхаю.

Он еще и пытается меня убедить в том, что я не видела того, что видела! Какая же сволочь!

Вырываюсь из ванной, лечу к Олеся - волосы назад. Босые ноги шлепают по паркету, сердце колотится в груди, разгоняя мою ярость по телу. Аж пальцы дрожат!

— Олеся, где там это видео?!

Олеся спокойно оставляет кружку с недопитым кофе.

— Дай угадаю - "это не то, что ты подумала»?

— Не угадала!

— Хм... — она комично гримасничает. — «Тебе показалось»?

— Почти! Я себе напридумывала!

— Ага. Ну, видимо, и мне заодно тоже напридумывала. Мне тоже показалось.

— Вот именно! Так что скинь пожалуйста мне этот видос. Он сейчас припрется, я суну ему его под нос!

— Интересные у тебя стихи, — Олеся чуть ли ручки не потирает. — Посмотрим, как будет выкручиваться. Мне аж любопытно поглядеть на его рожу, когда...

— Олеся! Ты не могла бы перестать скалиться так довольной?! У меня брак рушится между прочим!

— Хм, да, сорян, извини, — она перестает так довольно улыбаться, но тянет губы в трубочку, пытаясь исправить свой оскал. — Так пойдет?

— Бляха муха... ты не исправима!

— Так меня и не надо исправлять. Я идеальна, — она видит мое возмущенное лицо и тут же поднимает руки. — Ну, интересно же! У тебя с Сашкой такие сантабарбары творятся сейчас, что хоть сейчас камеру доставай и в тик ток выкладывай.

— Заведи себе мужика и с ним снимай.

— Ну, Ни-ик... Ты ж знаешь, я не создана для высоких отношений. Я больше по низменным. А такое я не могу снимать. Это личное... — и как давай ржать.

— Тьфу! Извращуга!

— А ты приколов не понимаешь. Я ж шучу.

— Да иди ты с такими шутками... мне сейчас не до них, а ты...

— Да, все-все, поняла. Извини, ты же знаешь, меня заносит иногда. Все, скинула.

Я гляжу в телефон. Действительно, в телеграмме от Олеси виднеется сообщение.

— Спасибо, — выдыхаю.

Пересматривать я его, конечно, не собираюсь, я итак нормально все запомнила. Даже слишком отчетливо!

Встречать Илью в таком разобранном виде я не хочу, поэтому, опрокинув в себя подостывший кофе, стремительно несусь мыться и переодеваться.

И все равно, хоть я и морально готовилась к приходу Ильи, когда раздался звонок в дверь, я вздрогнула.

Все-таки оказывается, я готова не была.

Я так не хочу всех этих разборок, что меня аж чуть не выворачивает на изнанку и кислый вкус на языке мерещится.

Но у меня нет выбора. Это сделать надо. Это взрослая жизнь. И я уже давно не маленькая девочка.

Я выхожу в прихожую в момент, когда Олеся открывает дверь. И Илья тут же врывается, что Олеся даже несколько шагов назад делает.

Он в черной футболке и джинсах, с бутылкой воды в руке и с измятым лицом. Глаза красные, уставшие, опухшие, но смотрит Илья при этом в упор, раздраженно, хмурия черные брови.

— Привет, Олесь.

— Да, да, привет-привет.

— Что ты так на меня смотришь?

— Да, так, — она манерно машет своей ручкой и усмехается. — Просто.

— Что ты ей уже наговорила? — Илья переводит свой

недовольный взгляд на меня.

— Ничего не говорила, — я складываю руки на груди и не отвожу взгляд. Хватит. Наотводилась уже.

— Да я сама все видела, — Олеся жмет плечом.

— Так. Олеся, свали ненадолго, нам с Никой поговорить надо.

Олеся громко усмехается.

— Не, нормально вообще? Это ты в мой дом пришел, камон!

— Ника! Тогда ты! Пошли поговорим!

— Мне и здесь хорошо, — стараюсь, чтобы мой голос звучал ровно, хотя внутри все вертится, крутится, сворачивается и разворачивается, словно клубок живых змей.

— Да, блять, — Илья всплескивает руками, смотрит в сторону. — Сговорились против меня. Отлично. Ну и как по вашему тогда решать надуманную проблему?

— Надуманную. Ага. Угу, — я лезу в телефон и открываю видео. Подхожу к Илье на расстояние вытянутой руки и протягиваю телефон экраном к нему.

Илья застывает, вглядываясь. По мере просмотра его брови опускаются все ниже к носу, а губы превращаются в ниточку. Так сильно он их сжимает.

В конце видео я слышу наши с Олесей голоса.

— Олесь? Ты нашла Илью?

— Вот блин! Нет, нет! Не нашла!

Видео обрывается. Я убираю телефон и прямо смотрю на

Илью. Глаза в глаза. Молчу.

— И ты думаешь, что это я?

— Это очевидно. В белом были только мы с тобой и она.

— Я этого не помню! Не было этого. Бред ваще какой-то. Там лиц ваще не видно! — Илья оборачивается с возмущением на лице к Олеся. — Что это ваще за видос? Кого ты, бля, снимала? Где это?

— Что, с похмелья вообще себя не узнаешь? А по-моему, очень знакомые фигуры...

— Да пошла ты! Куда ты ваще лезешь?! Сама живешь бобылем, и ведешь себя как нетраханная сука, так не лезь, блять, в чужую жизнь!

Олеся прищуривается, вытягивает задумчиво губы.

— Что, яйца тебе прищемили, поэтому выплескиваешь злобу на меня? Тебе еще раз напомнить, в чьем ты доме?

— Да хоть сто раз скажи, это не отменяет того факта, что ты не имеешь права лезть в чужую частую жизнь!

— Ника моя подруга. И уж извини, ее жизнь меня колыхает больше, чем твоя. И я не собираюсь молчать, когда...

— Да пошла ты нахер вообще, Олеся. Ника! Мы уходим домой! И там разберемся сами, кого она блять и где снимала!

Я внимательно смотрю на своего... кто же он мне теперь? Как его называть?

хотя, плевать, как. Я все равно больше не собираюсь ему потакать.

— Нет.

Наконец-то наша героиня собрала волю в кулак и сказала "нет"!

Давайте поддержим ее моральный рост лайками, комментариями и тем, что порекомендуете историю Ники своим друзьям. А так же не забывайте подписываться, чтоб не пропустить выход новых прод)

Помните, что можно и нужно делиться в комментариях своим мнением, это одобряется и приветствуется. У вас есть свой голос и он будет услышан.

Глава 8: Махнем в Италию.

Мое «нет» падает между нам как камень.

Повисает тяжелая тишина, давящая на плечи. Дышать становится тяжелее.

— Чего-чего? — Илья даже голову вытягивает вперед, как черепаха из панциря.

— Олесь, оставь нас пожалуйста на пару минут одних, — я смотрю на подругу, мой голос мягкий и спокойный. Олесь смотрит на меня вопросительно, мол, уверена?

Я киваю. Олесь жмет плечом и уходит на кухню. А я снова оборачиваюсь к ждущему Илье.

— Я сказала - нет. Я никуда с тобой не поеду. И нет больше нашего дома. Это вообще не наш дом, мы снимаем. Подаренную квартиру поделим, а вещи я заберу позже.

— Ника! Да не было...

— Я не слепая! Есть видеодоказательство твоей измены. Я больше тебе не верю. Я хочу развод.

— Ника, да это не я! Не помню я такого! Этого просто не может быть!

— Может. И было. Вот, на видео видно. Даже кольцо на пальце можно разглядеть. Широкое, с гравировкой, как мы заказывали.

— Слушай... Я... Да, бляха... Ладно! ЛАДНО! Может и было! Я не помню. Правда, не помню! Последнее, что пом-

ню, это мы с тобой у арки, потом деньги отдавал кому-то... Все! Я проснулся сегодня вот в обед, дома. Я даже не помню, как добрался!

— Мне плевать. Но спасибо и на этом. Молодец, что добрался домой, а не к Лилии.

— Да бля-я-ять.. — Илья задирает голову и тянет обреченно. — Это же полный бред. Идиотизм какой-то... Это невозможно, ты это понимаешь? Это же... Я тебя, блин, люблю! А это... — он смотрит на телефон в моих руках. — Это же жена босса! Где я и где она!

— Вот именно. Это жена босса. Тебе наверно приятно было трахнуть женщину, что настолько выше тебя по статусу...

— Блять, Ника!

— Ну, окей, ты не помнишь. Но это ничего не меняет. Я-то помню. Весьма и весьма отчетливо.

— Ника, — Илья шумно выдыхает, его плечи поникают. И его голос меняется на более мягкий и сдержанный. Он как будто берет себя в руки, но я же вижу, как его глаза искры мечут. — Ника, Вероника, Вероничка моя. Я был пьян. Ву-смерть, Ника. Я не помню ничего из этого... вообще никаких обрывков... Клянусь, я люблю тебя. Я б не жинился на тебе, если б не любил, верно?!

— Не знаю. Сейчас я уже думаю, что если б любил по-настоящему, женился бы раньше. А так... Скорее я просто была удобным аксессуаром для тебя. Красивым, заботящимся, повышающим твой статус для биг Босса. Что там Тарков-

ский говорил? Он ценит семейных? Ну-ну.

— Да бляяаять... Я же тебе говорил...

— Я помню, что ты мне говорил. И считаю, что это лишь отговорки. Нам ничего не мешало пожениться раньше. Мне нахер не нужна эта пышная свадьба, если все вышло... так. Я бы лучше просто расписалась с тобой и все.

— Да я же хотел, чтоб у тебя была шикарная свадьба! Чтоб запомнилась!

— Она и запомнилась!

Илья морщится.

— Не надо так. Ты же знаешь прекрасно, что ты для меня значишь... Мы же столько лет вместе. Я... Даже если я *этос*делал... Но... Это не я! Я ведь не помню! Нельзя быть ответственным за то, что не помнишь...

Я возмущенно распахиваю глаза и набираю воздуха в грудь.

— НО! Но! Я все понимаю! Я понимаю, как тебе больно! Я хочу все исправить! Дай ты мне исправить. Господи, я еще даже не пришел в себя, а уже должен вести дело! Можно мне хотя бы вне работы не работать? Я же просил тебя. Я дома с любимой женщиной хочу расслабляться, а не херачить. А выходит все опять так, что я хуярю и с тобой!

— Ну, давай еще скажи, что это я сейчас виновата, — я едва сдерживаю рычание.

— Да нет же! Ты меня ваще не слышишь, Ника! Я тебе пытаюсь донести, что все не так критично! Никто же не помер.

Все остальное исправимо. Давай все исправим. Еще можно! Это ошибка... это же просто мерзкая, отвратительная ошибка! Может я настолько нажрался, что перепутал вас...

— Илья... — я накрываю глаза рукой.

— Просто послушай меня! Я потерял контроль. Ошибся. Все ошибаются! Даже убийцам и больным дают шанс! Дай и мне тоже. Я все исправлю. Мне ж не насрать...

Сердце рвется на части от его слов, когда я допускаю мысль, что он может быть прав...

Нет, Ника, не поддавайся...

Твою ж мать...

Он подходит ко мне ближе, я делаю шаг назад, но упираюсь лопатками в стену. Илья застывает, нависает надо мной и впервые улыбается.

Когда-то я влюбилась в эту улыбку, в этот теплый взгляд карих глаз.

Его пальцы скользят по щеке, и я чувствую знакомую тяжесть и тепло его прикосновения. На миг мой мир дергается, будто я снова в его старой версии, где Илья был только моим...

Но в том-то и беда, что теперь это не так.

И я не смогу похвастаться такой же способностью, как Илья, забывать все напрочь.

К тому же, перед глазами тут же встает картина, как он этими самыми пальцами сжимает задницу Лилии.

Илья склоняется ко мне, ищет мои губы. Я резко отстра-

няюсь, бьюсь затылком о стену и выскальзываю из этого плена.

— Ты, блять, сейчас серьезно?! Думаешь, я все забуду, если ты меня сейчас поцелуешь?!

— Я просто хотел, чтобы ты почувствовала, что я рядом.

— А то я не чувствую! Я повторяю, я не слепая! И прекрасно вижу тебя перед собой. Не трогай меня сейчас вообще.

— Ладно, я понял. Извини. Но ты дашь мне шанс?

Я молчу.

— Пожалуйста, Ник. А знаешь, что? Давай уедем, а? Мы же хотели! У нас медовый месяц...

— Ага. Пока Тарковский тебя обратно не подзовет как шавку.

— Ника... Все будет хорошо. Я обещаю, мы поедem и это будут только наши дни. Только я и ты! Махнем в Италию, а там...

— Чего?!

— Ну, билеты, что нам подарили... Только ты и я. Мы там решим все. Отдохнем. Начнем заново...

— Ты, блять, серьезно?! В Италию? По билетам от твоей любовницы?! Ты нормальный вообще?!

Глава 9: «Мои условия» или дура?

— Ты, блять, серьезно?! В Италию? По билетам от твоей любовницы?! Ты нормальный вообще?!

— Она мне не любовница! Это была одна единственная ошибка, а не систематическое предательство!

— Да какая разница! Ты предлагаешь мне принять подарок от женщины, которую ты трахнул на нашей свадьбе! Как откуп! Ты не осознаешь степень унижения?! Она итак считает себя лучше всех, а тут... тут... Это...

— Да для нее эти билеты вообще ничего не значат... Это же просто подарок. Как бы... официальный. Жест. А для нас это шанс. Просто попробуй отбросить лишние эмоции и...

— Ты вообще не осознаешь, что ты себя закапываешь.

— Окей! Окей! Что ты хочешь от меня?! Скажи, что хочешь, я все сделаю!

— Значит так. Дорогой. Я согласна дать тебе шанс, но только на своих условиях. И то, только потому, что мне не нать на семь лет наших отношений. Еще раз заикнешься по поводу Италии, и можешь сразу идти лесом. Либо Сочи и месяц там. Без каких либо упоминаний Тарковских, которые мне уже по пере глотки стоят, либо... Сам догадайся.

— Развод?

— Да!

Илья долго смотрит на меня своим глубоким взглядом.

— Окей.

— И еще я выхожу на работу.

— Ника, но...

— Я. Выхожу. На работу.

— Ладно! Хорошо! — Илья всплескивает руками, вцепляется в свои черные короткие волосы. Мнет голову, жмет на глаза.

— Шикарно.

— Прости... — тихо устало произносит Илья. — Я жестоко облажался. Я не хочу тебя терять. Так вот глупо... — я молчу, сложив руки на груди. Сжимаю губы. — Так ты поедешь домой?

— Нет. Сегодня я не поеду домой. Я побуду здесь.

— Но...

— На моих условиях, Илья!

— Ладно! Твою ж мать...

— Встретимся в аэропорту.

— А вещи?

— У меня они здесь.

Илья как-то криво усмехается.

— Быстро ты подсутилась...

Я шурю глаза, но Илья поднимает руки ладонями вверх.

И, прежде чем уйти, он пытается меня обнять, но я отстраняюсь. Он терпеливо вздыхает и все-таки уходит, хлопнув дверью.

Постояв в тишине прихожей и послушав бешеный стук

собственного сердца, я иду на кухню к Олесе.

Она стоит, оперевшись попой на столешницу и скрестив ноги. Пьет еще одну чашку кофе и смотрит на меня. Весьма красноречиво.

— Ну, что? Давай, вываливай. Я же вижу, что тебя распирает.

— Ты дура.

— Да почему?!

— Потому что нахер слать надо, а не шансы давать.

Я тяжело дышу.

— Я это понимаю. Только я так не могу. Мне сложно все перечеркнуть. Семь лет. Я не могу их выкинуть, не попытавшись все сохранить. Мы так долго прожили вместе. Это же стоит чего-то? Ради этого можно и постараться. Сохранить. Отношения это труд. Тут надо стараться, находить компромисс...

— Не соглашусь. Отношения должны быть в кайф. В них должно быть легко с человеком. Это, конечно, не значит, что все прям как в сказке будет, но вот такого дерьма быть не должно. Отношения это труд? Окей, только не в том случае, когда трудишься ты одна как ишак.

— Я все же таю надежду. Вдруг он правда ошибся и жалеет?

— Ага. Именно поэтому он пытался сейчас в вашем разговоре перекинуть ответственность на тебя.

— В смысле? Когда это?

— Ну вот когда он там разгонял мысль, мол, я устаю на работе и с тобой хочу отдыхать, а мы мол сейчас как на суде и он работает... что-то такое.

— А, — я озадаченно хлопаю глазами, переосмысливая сказанные слова.

— Это, девочка моя, газлайтинг. Ну или абьзинг... хрен просышь эти современные термины, если честно.

— Так зачем пользуешься, если не понимаешь?

— Ну, надо же это как-то обозначить? В любом случае, как не назови, а это не нормально. Он блин тебе изменил и пытается сместить фокус с этой проблемы на другую тему. Теперь я понимаю, почему Тарковский этот взял Илью на работу своим личным юристом. Илюшенька отличный манипулятор. Смотри как быстро он смог убедить тебя дать ему шанс, а? А ты ж вроде как настроилась серьезно на развод. И опаньки! Вы уже едете в Сочи.

— Но... — я растеряно смотрю на серьезную Олесю, что усмехнулась своим мыслям, глядя в окно. — Ему ведь действительно не насрать. Он бы тогда не примчался так быстро...

— Может быть. Только я предположу, что у него скорее есть какая-то причина для того, чтобы тебя удержать рядом, а не потому, что любит. Кста, знаешь, что? — Олеся снова оборачивается ко мне, шуруется, делая глоток.

— Что?

— Я б еще поверила во всю эту чушь с твоими попытками

убедить меня и саму себя, если б ты сказала всего одну фразу. Тогда все это имело бы смысл. Я б даже не лезла к тебе.

— Ну и что это за фраза?

— «Я все еще люблю его».

Олеся снова делает глоток, вглядываясь в чашку, словно на дне есть какие-то ответы и смыслы...

Я не нахожусь, что ответить. И без слов, и без сил опускаюсь на стул за небольшим обеденным столом.

— Ты права. Я не сказала этого. И подобных слов... Но...

— Да ладно, забей, Ник. Ты не обязана оправдываться. Уж точно не передо мной, — она усмехается. — Ты взрослая девочка. Решать все равно тебе. Эт твой брак, не мне с этим говнюком жить, а тебе. Мою позицию ты знаешь. Я просто буду рядом на случай дерьма и все.

— Спасибо.

— Обращайся, — она шутливо кивает. — Так и что там с вашими Сочами? Когда вылет?

— Вообще-то сегодня... Вечером.

— О, как. Быстро как...

— Да. Не хотели тянуть.

— Эх, тоже что ли в отпуск сгонять? Чет я подзадолбалась в последнее время. Ношусь как белка в колесе.

— Это как раз потому, что у тебя мужика нет.

— Ой, блин, давай не это самое. Я прекрасно справляюсь и без него.

— Да, как белка в колесе.

— Зато сама!

Я только улыбаюсь. Все-таки разные у нас представления об отношениях.

Но вообще... А если Олеся права? Вдруг я и правда больше не люблю Илью?

Хотя нет... Если б не любила, я б легко и просто отказалась от него! Любовь это не просто влюбленность, это не бабочки в животе.

Любовь это работа двух людей. Мужчины и женщины. Это обоюдный труд, что бы там не думала Олеся. Может, она как раз поэтому и одна, что думает, будто бы отношения должны быть легкими и не напряжными. Так не бывает.

Я готова попробовать все исправить, чтобы сохранить наши отношения с Ильей. Потому что для меня они - ценность. Семь лет не должны вылететь в трубу из-за одной ужасной ошибки...

Тем более, у нас были такие планы! Дети, большая квартира, спокойное будущее и совместная старость!

Если ради этого нужно переступить через себя и отказаться от любимого дела, то окей, я откажусь. Я уже сделала это однажды. Нужно просто решиться на это еще раз. Ради любви. Ради спокойствия.

За четыре часа до вылета, я беру уже собранный чемодан и мы с Олеськой выезжаем на такси в аэропорт. Она решает меня проводить.

Я прохожу регистрацию довольно быстро, даже несмотря

на очередь. Только нервничаю ужасно. Илья еще не приехал, а время меж тем все идет и идет, приближаясь к заветному часу вылета.

Да к тому же я не знаю теперь, как себя вести с ним. С этим еще нужно будет определиться.

— О, вон идет.

Олеська трогает меня за плечо, и я оборачиваюсь. Невольно хмурюсь, когда вижу Илью в костюме и без чемодана.

Он улыбается мне, игнорируя Олесю.

— Дорогая, я так рад, что ты не передумала! — он снова пытается меня обнять, но я вновь отстраняюсь.

— Где твои вещи?

Он чуть отходит, но не убирает рук с моих плеч.

— Солнце, прости, у меня не получится вылететь сегодня. Я смогу только завтра. Роман Давидович позвонил и сказал, что у нас форс-мажор, нужно кровь из носа быть в суде завтра утром...

Я ошарашенно застываю, не в силах вымолвить и слова от охватившего меня возмущения. Уши и щеки тут же охватил жар, сердце застучало, а руки невольно сжались в кулаки.

— В смысле?!

Привет, девчата и не только:) Ягодки мои, если вам нравится эта история, другие мои истории и вы не хотите пропу-

стить будущих, не забывайте жмакать кнопочку "подписать-ся".

Вам не сложно, мне приятно и это безумно помогает продвижению книги, чтобы как можно больше людей могли ее увидеть и разделить эти эмоции.

Всем добра и спокойствия в жизни:*

Глава 10: А если все же прилетит?

— Солнце, прости, у меня не получится вылететь сегодня. Я смогу только завтра. Роман Давидович позвонил и сказал, что у нас форс-мажор, нужно кровь из носу быть в суде завтра утром...

— В смысле?! — я срываю с себя его руки и делаю шаг в сторону.

— Ну, тише-тише, солнце, я сейчас...

— Илья, ты вообще ахренел?

— Я сейчас все объясню!

— Угу, — тянет рядом Олеся, облокотившись на металлическую стойку ограждения.

Илья пронзает ее жестким взглядом, но тут же возвращает свое внимание ко мне, пытается дотянуться руками.

— Не трогай меня, — сдержанно, но решительно обрываю. — Мы договаривались.

— Слушай, солнце, это крайне важно! Это форс-мажор, которого я не предвидел...

— Это у нас форс-мажор, которого мы не предвидели, а у тебя просто мажор, который берега попутал. Тарковский этот вообще не понимает что ли?! Даже если б ты мне не изменил с его женой, у нас, блин, медовый месяц! Месяц, Илья, а не сутки!

— Солнышко, да пойми ты... Я... Мы! Мы обязаны Тар-

ковскому всем. Он квартиру нам подарил, в конце концов!

— И что? Теперь он имеет право распоряжаться нашими жизнями? Он купил нас что ли? Тогда пусть забирает обратно эту чертову квартиру! Нахрен она мне не сдалась на таких условиях!

— Но тогда мы будем копить на нее еще лет пять, не меньше! И ты тогда ты точно меня видеть не будешь!

— Слушай, я тебя итак не увижу, потому что ты сейчас пойдешь лесом. Дорогой!

Рядом хмыкает Олеся, но смотрит в другую сторону.

— Солнышко, послушай, прошу тебя, пойми.

— Я слишком часто тебя понимала и входила в твое положение. И что-то я не заметила, чтобы ты меня понимал. На моих условиях, Илья. Ты забыл? Либо мы сейчас уезжаем в Сочи...

— Улетаем, — вставляет он.

Я сжимаю зубы, чувствуя, что закипаю.

— Либо мы сейчас улетаем в это долбанное Сочи, либо развод!

— Ладно, ладно, солнце. Хорошо. Послушай. Я обязательно полечу. Просто не сегодня вечером, а завтра. Тебе нужно будет всего чуть-чуть подождать. Это не долго. Я все решу. Объясню Роману Давидовичу и прилечу. Ты просто не нагнетай. Ты раздуваешь из мухи слона. А я пытаюсь учесть все нюансы, это не просто. Просто доверься мне, это ведь важно для нас обоих.

Илья меняет тон и тактику. Теперь я это вижу.

Окей. Щас я тоже сменю.

Щурюсь. Улыбаюсь.

— Ты ему сказал?

Илья моргает.

— В смысле? Что сказал?

— Тарковскому. Рассказал ему почему эта поездка так важна *для нас*?

Он хлопает глазами. От моей улыбки и спокойного про-никновенного тона он теряется.

— Как ты это себе представляешь?

— Очень просто. Значит, не сказал. Отлично. Тогда, если ты не полетишь, то Тарковскому расскажу я. И тогда! Оооо... Тогда он точно тебя отпустит! На все, сука, четыре стороны. И тогда у тебя появится много свободного времени, чтобы восстановить наши отношения, которые нужны нам обоим! — отрезаю жестко.

Илья застывает, а потом всплескивает руками.

— Ника, твою мать! Ну, что ты несешь! Ты представляешь, какие это проблемы будут?! И у тебя, между прочим тоже!

— А я то здесь причем? Это не я трахала его жену.

— ТИШЕ! Ника, блин... — Илья оглядывается. — Зачем ты орешь об этом здесь?

— Страшно, да? — снова щурю глаза.

— Ты когда вообще стала такой дерзкой, а? Мне вообще

твой тон не нравится. У нас не получается конструктивного диалога, потому что ты вся на эмоциях...

— Ну, еще скажи как мне...

— Послушай! Солнце! Я люблю тебя! Давай мы не будем создавать еще больших проблем. Пожалуйста, дорогая! Я хочу все исправить, а не искалечить. И рассказ Тарковскому вот вообще не сделает никого счастливым. И тебя в том числе! Думаешь, как он относится к тем, кто ему приносит херовые новости? — Илья заглядывает мне в глаза красноречивым взглядом. — Вот-вот. Не суйся к нему даже. Он опытный и опасный тип. Как и вся их семейка! Я же хочу просто исправить свою ошибку...

— Так исправляй. Сейчас ты едешь со мной и все будет исправлено.

— Да не могу я! От завтрашнего заседания зависит не только дело Тарковского, но и вся моя карьера!

— Вот у тебя ситуация, да? — меня не трогают его попытки воззвать к моей жалости.

— Солнце... Пожалуйста. Умоляю тебя. Ну, что мне сделать? На колени встать?

Илья падает на колени, и я вылупляюсь на него, как на сумасшедшего.

— Ты сдурел?! Поднимись сейчас же!

— Я прошу тебя. Лети! Ты дождешься меня там, я прилечу уже завтра. Ну, хочешь, Олеся с тобой тоже полетит? Я оплачу путевку и ей! Прямо сейчас! Это не проблема! Олеся,

— он решительно смотрит на Олесю, — хочешь отдохнуть? Там шикарный отель. Пятизвездочный. Там родственники Тарковских заправляют, я договаривался на лучшие условия для нас. Ника, тебе не будет одиноко эти сутки, а потом я прилечу и все будет еще лучше. Обещаю!

От его жаркого тона у меня по телу бегают мурашки. Просто старая привычка. Я всегда реагировала на его экспрессию и темперамент... Илья очень харизматичный. Всегда таким был...

Но...

Но сейчас она на меня не действует.

Я смотрю на Олесю. У нее глаза по пять копеек, но она молчит, не вмешивается.

— Хорошо, — киваю Илье. Он даже опешивает. Поднимается и заглядывает мне в глаза, хмурясь.

— Правда?

— Правда. Я согласна. Поеду с Олесей и обещаю ждать тебя там, — киваю решительно.

— Ты... — Илья улыбается, чуть не задыхается от облегчения. — Ты моя хорошая! Ты моя лучшая! Прости меня еще раз! Я правда сожалею, но я так рад, что ты меня поняла! Спасибо тебе огромное, моя любимая. Я тебя так люблю, — он все-таки сграбастывает меня в охапку и стискивает в своих крепких объятиях, от которых у меня сердце кровью обливается и тоска сосет где-то в районе живота.

— Клево, что меня все спросили, — флегматично отзы-

вается Олеся.

— Ты ни о чем не пожалеешь, — куда спокойнее отзывается Илья. — Пойдем, возьмем тебе билет.

— Ну, а шмотки?

— Я тебе денег дам, купишь.

— Круто, только не надо. Я способна купить себе бикини.

— Тогда пошли! — раздражается Илья.

Олеся смотрит на меня задумчиво, но все же отрывается от стойки и шагает вперед.

— Ну, пошли-пошли.

Илья страстно чмокает меня в щеку и устремляется в сторону касс.

Я остаюсь вариться в остатках нашего диалога. Мне кажется, что я искупалась в грязи. Мне кажется, что я липкая...

С этим диким желанием помыться я и дожидаясь Олесю.

Примерно через полчаса она подходит ко мне и тихо встает рядом. Тоже облакачивается на металлическое ограждение и устремляет взгляд сквозь панорамная окно аэропорта на бесконечное асфальтовое поле с «пасущимися» на нем самолетами.

— Ну и что это было?

Она не смотрит на меня.

— Решение.

— Клево. И какое? Ты имей в виду, что я как бы не против поехать. Все-таки отдохнуть я хотела. Но было бы круто за-

ранее как-то о таком узнавать. Собраться там, подготовиться, все дела. У меня сегодня еще клиент, придется отменять.

— Извини. Я компенсирую тебе.

— Ника, бляха муха. Себе компенсируй, — раздражается Олеся. — Я не про деньги.

— Да, извини.

— Так и в чем прикол-то? Ты ж обещала, что если не полетите вместе, то развод. И? Теперь ты обещаешь, что дождешься его?

— Я обещала поехать с тобой и ждать его там, — оборачиваюсь к ней лицом и хитро улыбаюсь. — Ровно это я и собираюсь сделать. Поеду и подожду. Но больше ничего я не обещала. Вернусь и разведусь.

Олеся хлопает пару раз глазами.

— Ах, ты хитрая сучка! — Олеся ошарашенно хохочет и решительно меня обнимает. После чего добавляет уже тише и сдержаннее. — Я рада, что старая Вероника вернулась. Но погоди... — она отстраняется. — А если он все же прилетит?

— Ну, — пожимаю плечами. — Сильно сомневаюсь. Но... Завтра и узнаем. Давай решать проблемы по мере их поступления.

Привет, ягоды мои сладкие.

Эта глава последняя, что вышла по графику "каждый день", дальше будет стабильно через день. Чтобы не потерять книгу и не пропустить выход новой проды, подпишитесь на меня и добавьте книгу в библиотеку.

Спасибо, мои хорошие!

P.S. Дальше будет еще более эмоционально.

Глава 11: Собственно, здравствуйте, проблемы.

— Ну, мы прилетели, и что теперь? — тянет Олеся, глядя в окно такси с каменным лицом.

— Теперь ждем, когда нас поразит южный колорит и ты начнешь фоткать пальмы.

Олеся поворачивается ко мне с красноречивым лицом-тяпкой ко мне.

— Я сюда не фоткать пальмы приехала.

— А что же тогда?

— Ну, начнем с того, что я вообще сюда ехать не собиралась, — она машет рукой, язвительно рассуждая, — но да ладно. В жизни разное бывает. Я спокойна к таким поворотам судьбы. Продолжу мысль. Приехала я сюда ради тебя. Но, как ты выразилась, фоткать пальмы я ваще не настроена. Работать на отдыхе я точно не хочу. Все, что мне здесь нужно, это непродолжительные, но страстные объятия с красивым крепким мужиком! И вот его я сегодня решительно настроена здесь найти.

— Ты в своем репертуаре.

— Ага. И тебе советую. Повышает тонус и самооценку. И нервы никто не треплет.

— Нет, спасибо, это все-таки не по мне. Да и с Ильей

еще надо окончательно разругать, — Олеся смотрит на меня скептически. — По-крайней мере, дело не решилось окончательно...

Олеся делает вид, что ее тошнит, а дальше улыбается как сумасшедшая своей идеальной улыбкой. Я мотаю головой. Ох, уж эта Олеська. Оторва!

На самом деле, я устала. До дрожи в коленях и до тупой боли в затылке. Разборки с Ильей, долгий перелет, сумасшедший аэропорт, жара, влажность... И это чертовое напряжение от неопределенности с Ильей.

Приедет или нет?

Раньше я бы однозначно сказала, что да. А теперь... Я не уверена. И эта неуверенность лишь только усиливает мою тревогу.

Потому что одна моя часть - та, что заботилась об Илье, ждала его с работы и готовила ему борщи - ждет, что Илья прилетит. И мы сможем вместе это все пережить и исправить.

А оставшаяся часть - та, что когда-то с болью в сердце бросила работу ради эфемерной семьи - уже почувствовала предательство Ильи и не хочет его прощать. Эта моя часть уже почувствовала свободу...

Я вглядываюсь в буклет, который прилагается к путевкам.

Пока я размышляла, такси медленно свернуло с трассы и проехало еще пару километров вглубь леса, поднимаясь в очередную гору.

Но уже скоро мы подъехали к воротам, где охрана в белых перчатках проверила наши документы, зафиксировала номера телефонов и только после этогопустила нас на территорию отеля.

— Слишком круто, — бормочет Олеся.

— Я тоже так подумала.

— Это не просто «пять звезд». Это как будто другая реальность.

И правда.

Все вокруг - утопающее в зелени пространство с идеальными дорожками. Фонтаны, кокетливые скульптуры без пафосной вычурности.

Такси останавливается перед парадным входом отеля. Я и Олеся выбираюсь из машины.

Меня окутывает мелодичный звук журчащей воды в фонтанах и декоративном ручье, и я чую безумно вкусный воздух с легким намеком на морской бриз. Я почти чувствую соленый привкус на кончике языка.

Никаких криков, никаких туристов с матрасами и авоськами, никакого шума...

Только пение птиц и шум деревьев.

Прям террариум для богатых, лагерь для взрослых.

Красивый, безупречный, дорогой.

Я чую себя здесь не на своем месте. Судя по виду Олеси - она тоже.

Интересно, а как было бы с Ильей? Он всегда стремился

к подобному уровню жизни. Чтоб на постоянной, чтоб не работать двадцать четыре на семь.

Вот только реальность оказалась другой.

Он все время работал, а я сидела дома и ждала его, занимаясь бытовухой.

И теперь, окунувшись... Да что там окунувшись. Так, чисто пальчиком ноги «попробовав» эту жизнь, я понимаю, как же я устала от этой бытовухи и как мало я видела за последние семь лет...

А меж тем, мир наш прекрасен. Да что там мир! Страна наша! Я ж выехала из города впервые за это время! Да, я не работала, но и не отдыхала. Никуда не ездила, не выбиралась. Дом, дом и еще раз дом.

Илья не мог из-за занятости, а я не могла поехать куда-то без него. Это же как предательство... Как я поеду отдыхать, а его оставляю?

А оказывается... Да легко! Вот она я!

Стою в Сочи, а он там... в городе остался.

И вроде совесть меня ест изнутри, но... Хорошо же. Только это «хорошо» немного портится от чувства, будто я предаю Илью. Хотя я ничего плохого не делала. Это он меня предал...

Тяжело вздыхаю, глядя, как таксист выгружает мой чемодан.

Он уезжает, а мы остаемся.

Ресепшен находится в центре огромного холла, стены ко-

торого представляют сплошное стекло и камень. Мы входим внутрь и замираем.

Внутри пусто.

Прямо натурально. Даже за стойкой ресепшена никого нет.

Мы озадаченно переглядываемся с Олесей, жмем плечами и двигаемся к стойке. Вдруг там кто-то спрятался за ней?

Но нет. Стул админа пустует.

— Вот тебе и лакшери уровень, — Олеся поджимает губы и хлопает ладонью по колокольчику вызова персонала.

Звон разлетается по пустому залу и отражается от стен.

Мы ждем минуту, две, три.

Неожиданно дверь входная снова открывается и в нее заходит с небольшим чемоданчиком мужчина. Высокий, загорелый, в легком летнем костюме песочного цвета.

Он видит нас и на лице появляется лениво-обаятельная улыбка. А глаза, наоборот, - слишком внимательные. Он идет к нам. Ну, или не к нам, а к ресепшену, но смотрит на нас.

— Добрый день, девушки.

— Здравствуйте, — кивает Олеся, оценивая новое мужское лицо. Я промолчала, отвернувшись.

Где там уже этот администратор?

Я снова пару раз попрыгала пальцами по звоночку и нахмурилась, уловив сквозь звон какие-то голоса. Показалось или нет?

И тут в зале как будто взорвали звуковую гранату.

С противоположной стороны от входа открывается дверь и с треском бьется о стену.

— ... Я предупреждал его, чтобы больше такого не повторялось, — я слышу ледяной тон и он действует на меня словно ушат холодной воды. — Ненавижу повторять дважды. А трижды тем более не собираюсь. Надеюсь, теперь до него дойдет.

— Понял, Андрей Борисович.

— Я и тебе уже говорил, чтоб ты не пускал всяких шалав сюда... — этот самый Андрей Борисович застывает и оборачивается на молодого парня в узких очках. При этом я даже отсюда вижу, как этот парень замирает и сглатывает.

Я ожидаю, что он сейчас начнет оправдываться, но он продолжает молча смотреть на своего, видимо, босса. А босс смотрит на него. Парень долго не отводит взгляд, но в конце концов он сдается, опускает его и сдержанно говорит:

— Простите, Андрей Борисович. Виноват. Больше не повторится.

И мне от этой реакции тоже становится страшно...

Этот Андрей Борисович врывается в пространство и как будто заполняет его собой полностью.

Он снова продолжает свой путь. Парень стремительно шагает следом.

— Андрей Борисович, я думаю, что они... — за ним едва поспевает худощавый молодой человек в узких очках.

— Думаешь? Думают философы, Слав. Мы действуем. Лучше помолчи тогда, если не знаешь, что сказать. И вызови врача, пусть нос ему вправит...

Его голос резкий, низкий, отчетливый. Я слышу, как он прямо сдерживает рвущуюся на волю злость и раздражение.

Он идет вперед, чеканя жесткий шаг. Он одет в черную хлопковую рубашку на голое атлетичное тело и легкие классические брюки.

Я смотрю на этого мужчину и у меня отчего сжимается все внутри. Он напоминает мне локомотив, что стремится вперед. Он нас не замечает, направляясь мимо, к лестнице.

— Найди мне этих блядей. Они где-то здесь, не могли же они... — и тут он замечает нас. Резко тормозит. Худой Слава чуть не врезается ему в спину.

Я понимаю, что у меня дыхание прерывается. Я замираю. Судя по судорожному вздоху позади — Олеся чувствует то же самое.

Не загорелый же мужик так испуганно дышит.

Хотя...

У этого Андрея взгляд как рентген. Тяжелый, исподлобья. Глаза почти черные, и волосы тоже темные, матовые, в короткой стрижке. Кажется, что даже свет поглощают...

Я не понимаю, почему он так на нас пялится?!

Я оборачиваюсь, пытаюсь убедиться, может, он смотрит все-таки не на нас? Но нет. Прямо на нас! Меня и Олесю! И тут он разворачивается и начинает шагать к стойке. Шагать

к нам!

— Вот и сучки, — холодно цедит незнакомец, стремительно сокращая между нами пространство. Его голос не грубость, его голос - факт, выданный с такой уверенностью, будто он уже все про всех знает.

Шаг, еще шаг. Я не успеваю и пикнуть, как он оказывается в моем пространстве! Слишком близко!

— Простите? — ошарашено спрашиваю, делая шаг назад, но упираюсь спиной в холодный мрамор стойки ресепшена.

— Эй, мужик, что за поведение? — подает голос мужчина, который пришел за нами.

— Закрой рот, — этот Андрей на него даже не смотрит. Он хватает меня за локоть. Резко, бесцеремонно и начинает меня конкретно лапать!

— Эй, вы что делаете?! — Олеся в шоке хлопает глазами, но боится что либо предпринять.

— Тебя тоже это ждет. Не дергайся. Куда засунули? Ну? — мужчина внаглую шарит по моим рукам, ребрам, лезет прямо под лифчик.

— Перестаньте!

— Хватит! — я пытаюсь откинуть его руки.

Со всех сторон гвалт, худой очкарик орет, пытаясь призвать к разуму видимо своего босса, Олеся тоже повышенным тоном пытается достучаться до этого психа. И незнакомый мужик тоже что-то талдычит.

Но этому Андрею плевать! Он шарит по моему телу, иг-

норируя мои ошарашенные протесты.

У меня сердце заходится от страха, но мой первый порыв - замереть - проходит, когда его руки соскальзывают от груди и резко лезут мне под подол платья.

Он шарит пальцами по моим трусикам и меня бросает в жар.

— Да ты совсем что ли?! Отвали!

Я замахиваюсь и залепляю ему звонкую пощечину!

Глава 12: Сочи.

Звук от пощечины разлетается по залу и как по команде все застывают на несколько секунд.

Голова этого самого Андрея Борисовича дергается в сторону, он делает крошечный шаг назад и тут же вскидывается на меня.

Я шарахаюсь назад, тяжело дышу. Меня аж в пот бросило!

Он так на меня посмотрел, что как будто пристрелил взглядом! И глаза как раз под стать - как пули! Темные, опасные, блестят, отражая многочисленную местную подсветку.

Смотрю на этого наглеца и хочу еще раз ему врезать, да только страшно, блин!

Я об него руку отбила!

Ему моя пощечина словно удар листочка о камень. Он скорее от неожиданности дернул головой в момент удара, чем я действительно смогла сделать ему больно.

Он вообще здоровый так-то и крепкий. Не могу сказать, что он качок какой-то раскачанный. Фигура у него - как у бойца или бывшего спецназовца - широкоплечий, крепкий с узкой талией, но не перекачанный. Я б даже сказала, что он сухой, поджарый. Ну, натурально хищник!

Даже лицо такое. Острое, угловатое, с тонкими морщинами у глаз. И вряд ли эти морщинки от того, что он улыбается...

Этот если и улыбнется, то только стоя над твоей могилой.

— Вы совсем с ума сошли?! — я делаю еще шаг в сторону, оправляя подол и лямку сарафана. — Вы что себе позволяете вообще?!

Я судорожно дышу, чувствуя как бешено колотится сердце. И мне кажется, что я ощущаю на себе до сих пор касания его горячих рук. Как фантомные.

Я в замешательстве. Мне, по факту, должно быть противно, но...

Мне не противно. Наоборот, мурашки острые вон по рукам побежали, лопатки свело, жар опалил бедра. Это вовсе отвращение.

Я знаю себя. И это совсем другая реакция!

— Обалдеть у вас сервис! — отмирает Олеся. — Ника, валим отсюда.

— Андрей Борисович, сомневаюсь, что это те девушки... — несколько запоздало подает голос Слава.

— Я уже понял, — обрубает Андрей Борисович, не глядя на своего... кто он там? Помощник? Очень смахивает на помощника.

Хотя мне плевать, кто он там, когда этот Андрей продолжает смотреть на меня как волк на ягнёнка. Словно сожрет сейчас и не подавится.

Стоит, сканирует меня своим взглядом темных, почти черных глаз с тем холодом, что бывает у людей, умеющих держать дистанцию.

Ну, держать-то он ее может и умеет, только вообще не соблюдает!

— Вы извиниться не хотите перед девушкой? — неизвестный мне мужик изгибает бровь, насмешливо глядя в затылок Андрею Борисовичу.

Секунда. Две.

Андрей Борисович перестает сверлить меня взглядом и чуть оборачивается на неизвестного гостя. Сканирует его тяжелым взглядом от самых выгоревших на солнце светлых волос до летних мокасин.

— Тебя не спросил, — роняет ровно Андрей и, больше ни на кого не взглянув, разворачивается и направляется туда, куда изначально шел - к лестнице.

Его басовитый голос отдается в моей груди, проникая в меня волной. Он проходит мимо меня, и я невольно вдыхаю мужской аромат. Что-то горьковато-терпкое с древесными нотками и толикой перца.

Вот уж действительно острая смесь!

— Ахренеть, блин, — выдыхает шокировано Олеся, когда опасный тип и его помощник скрываются на втором этаже. — Отдохнули. Это что вообще было такое? Куда персонал смотрит? Так, где вообще админ какой-нибудь? Я хочу поговорить с местным начальством...

Незнакомый мужик неожиданно тихо, но мелодично смеется.

Мы с Олесей невольно переводим на него взгляды. Какого

черта он смеется?

— Это и было начальство.

Я оборачиваюсь туда, где исчезли те двое.

Вот это начальство?!

Олеся возмущенно гримасничает и всплескивает руками.

— А вы откуда знаете?!

— Скажем так, я приложил руку к строительству этого места.

— Пиздос, теперь все ясно... Это был просто ахреневший мажор.

— Так. Олесь, давай уедем, а?

— Погнали. Реально хрень какая-то...

— Девушки, не торопитесь... Кстати, как вас зовут? Я Амир.

Мы снова оборачиваемся к мужику, который слишком уж разговорчивый какой-то!

Смотрю на Олесю. Судя по ее выражению лица - она думает так же.

— Неприятно познакомиться, — отрезаю я холодно, беру чемодан.

— Вам помочь?

— Нет!

Мы выходим обратно, спускаемся по лестнице. Колесики чемодана несчастно и возмущенно стучат по каменным ступенькам.

Солнце движется к горизонту тихо, но целенаправленно.

Вот так приехали отдохнуть...

И Илья, как назло, слился! Куда он вообще нас поселил? То же мне VIP-отель!

Гадюшник с проститутками и сумасшедшим хозяином. И без работников! И даже гостей нет...

Тут вообще пусто!

— Блин, знала бы что здесь такое будет, не отпустила бы таксиста.

— Заранее соломку не подстелишь, Олесь.

— Да, в курсе, — она вздыхает и достает телефон.

Мы стоим у самых ворот, охрана пялится на нас. Постепенно я начинаю чувствовать себя идиоткой. Обхватываю себя руками и оглядываюсь.

Так-то здесь очень шикарно. Виды просто захватывают - многоярусный отель с белыми стенами, кипарисы и пальмы, круглые дизайнерские фонари, несколько бассейнов с голубой водичкой... и все это на фоне гор и сочной зелени деревьев.

Даже жаль, что так получилось.

Но блин... То, что меня так нагло облапали, портит все впечатление.

Правда, ощущения от чужих горячих рук до сих пор гуляют по моей коже, заставляя ее покрываться предательскими мурашками.

Закусываю губу...

Какого вообще черта?

Что за реакция! Он блин необразованный мужлан! Грубый и наглый. Да его вообще цензурными словами сложно описать! Зря только, что симпатичный. Его поведение вообще резко не вяжется с его внешностью...

Так, Ника. Ты вообще почему думаешь о какой-то наглой образине, что затесалась в мужской пол, когда у тебя надо с мужем разобраться сначала?!

— Ника!

— А? Что?

— Ты куда уплыла? Я, говорю, вызвала такси. Приедет через минут десять-пятнадцать.

— А, хорошо, ладно, — я киваю, жмурясь на солнце и от пережитого стресса.

— Напугалась, да?

Олеська смотрит на меня участливо.

— Угу. Ничего, терпимо.

— Слушай, ну, тут каждый бы напугался. Такое поведение вообще выбивает из колеи. Эт не нормально. По хорошему бы вообще в полицию заяву накатать!

Я морщусь.

— Олесь, какая полиция? Ты оглянись вокруг. Если он хозяин этого места, то думаешь на него есть управа? Ты вроде не наивная...

— Ну, слушай, это же просто не нормально!

— Ну, да. Не нормально. Поэтому мы и сваливаем.

— Угу... — Олесь кусает губы задумчиво. — Ты, кстати,

молодец. Быстро сориентировалась...

— Да уж, быстро. Он успел меня облапать.

— Да это просто резко очень было! Я вот вообще растерялась. Оказывается, я не такая уж крутая...

— Ты и не должна.

— Извини...

— Брось, Олеська, ты что. Тебе то за что извиняться? Это этот козел должен был...

— О, смотри, — Олеся приставляет ладонь козырьком ко лбу и морщится. — Летит печкой. Очкастый.

Я разворачиваюсь к лестнице и вижу, как тот самый Слава несется прямо к нам быстрым шагом.

— Как думаешь, что ему надо?

— Понятия не имею. Надеюсь, извиняться несется. Сейчас узнаем. Если что, выторговывай пентхаус, — шепчет уже в конце Олеся, так как Слава, запыхавшись, подлетает к нам.

— Пойдите, не уезжайте! Вы ведь Ника Климова, да?

— Да.

— Андрей Борисович хочет компенсировать произошедшее!

— Компенсировать? — Олеся хмурится. Но я то вижу, что она уже заинтересовывается.

— Да! Андрею Борисовичу очень жаль, что так получилось. И в качестве извинений за произошедший инцидент он распорядился организовать вам отдых. За счет заведения, разумеется.

Олеся открывает рот и я вижу, как на ее лице рождается улыбка предвкушения.

— Если ваш Андрей Борисыч действительно так сожалеет, то он может извиниться сам. Лично. А не присылать вас. Или он не в состоянии этого сделать сам?

— Ну, Ника...

— Он, конечно, может, — мнется Слава, поправляя очки. Как он вообще устроился к этому Андрею, если ведет себя так неуверенно. — Но сейчас он чрезвычайно занят.

— Тогда передайте вашему боссу, что нам не нужны его подачи. Мы уезжаем. И отзыв оставим плохой. Ваш сервис просто ужасен. У вас даже админа нет!

— В том-то и дело! Мы еще не открылись! Официально. Официальное открытие только завтра! Все будет по высшему разряду. Мне лично и Андрею Борисовичу очень жаль, что все так получилось. Произошло просто недоразумение, поверьте. Андрей Борисович обычно так себя не ведет. Оставайтесь, завтра будет вечеринка. Вы не пожалеете!

Мы с Олесей переглядываемся.

Я тяжело вздыхаю, видя мольбу в глазах подруги. Ну, вот что с ней делать...

— Ты правда хочешь остаться? — кисло спрашиваю.

— Ну... Мы можем уехать, в принципе. Ты только скажи и уедем! Но... — она не произносит этих слов, потому что рядом этот Слава стоит и с ожиданием на нас смотрит.

Но я то знаю, что она думает.

«Давай рискнем. Оно того стоит»

Привет, мои хорошие!

Попробовала я график прод день через день. Не знаю, как вам, а мне не понравилось)

Так что возвращаюсь обратно на график "каждый день".

Обнимаю, до встречи в продах;)

З.Ы. *шепотом* Не забудьте поставить звездочку и подписаться.

Глава 13: Уникальное предложение.

Вид из местного ресторана просто шикарный. Как и все здесь, собственно. Здесь высокие и узкие окна, с низенькими подоконниками, но из-за частого расположения этих окон, создается панорамный эффект.

Отсюда можно наблюдать как по канатной дороге в даль горизонта «уплывают» люльки. Слева виднеется водопад, а вперед, всюду, куда падает взгляд расплескался лес...

А внизу на первом этаже, на улице у бассейна к финалу движется оформление вечеринки. Солнце устало ползет к закату.

— Красиво, — вздыхает Олеся и снова оглядывается.

Народу просто куча.

И мне от этого очень дико. Еще буквально вчера никого не было, а сегодня произошло самое первое заселение и, вуаля, яблоку негде упасть!

Ну, хотя, ладно, я приувеличиваю. Яблоку есть где упасть. Просто на контрасте со вчерашним днем, кажется, будто людей слишком много.

Вчера Слава распорядился поменять наш стандартный номер с одной двуспальной кроватью на шикарные люкс-апартаменты с видом на горы и водопад, с отдельным личным

бассейном, двумя ванными и двумя отдельными спальнями. И это при том, что там была еще и гостиная общая!

Я сомневалась, но Олеська меня убедила. Я не хотела тут оставаться, но в итоге все же дала себя уговорить.

Все-таки в глубине души уезжать я не хотела...

Не хотела искать новый отель, тратить деньги Олеси при том, что здесь уже все оплачено Ильей...

Эта мысль меня тяготила. Поэтому идея, что нас переселят в другой номер мне, в глубине души, нравилась. Это как будто еще больше отрывало меня от Ильи. Менее тревожно не становилось, потому что я до сих пор ждала его приезда.

Ждала, чтобы решить уже все окончательно.

Остаток вчерашнего дня мы потратили на восторженные ахи-вздохи, на прыжки по кроватям с писками и хохотом. Еще мы опустошили мини-бар, заказали вкусных горячих закусок.

А сегодня, позавтракав, мы носились по спа, посетили местный салон красоты и винодельню.

Моя кожа напоминала мне мякоть нежного персика. И наощупь и по запаху. А волосы никогда еще ни были такими мягкими и шелковистыми. И это при том, что я тратила кое-какие деньги на поддержание себя в «форме».

Только несмотря на всю эту эйфорию меня не покидает ощущение, что мое молчание купили...

Я не знаю, как к этому относиться.

С одной стороны, Олеська очень хотела остаться, с другой

- сюда должен был приехать Илья. По-крайней мере, он обещал...

Но опять же... Верить его слову теперь... Не верю, но все же таю какую-то дурацкую надежду.

И еще с другой стороны - этот чертов Андрей со своей выходкой. Не понимаю, что там за причина должна быть, чтобы вести себя с девушкой *так*.

В итоге, я понимаю, что за последние годы я действительно размякла и понимаю, что за пару дней вернуться в старую форму у меня не получается.

Илье шанс дала, на уговоры Олеськи поддалась...

Близкие люди помыкают мной как хотят...

Самой от себя противно становится... И не понятно, что делать.

В душе царит полный раздрай.

— Зря мы остались, — кусаю нервно губы и болтаю соком в стакане.

— Почему?

— Потому что у меня чувство, будто меня купили...

— Ты дурочка что ли? — ласково спрашивает Олеся. — Мужик тебя оскорбил и так извинился. В принципе, пойдет. Не вороти нос. Когда еще сможем так покутить? Я конечно зарабатываю сама, но мне до такого уровня еще ого-го как далеко! А у тебя вообще впереди маячит развод, новая съемная хата и все вытекающие...

— Спасибо, что напомнила.

— Да не кисни. Сейчас доедим, пойдем переоденемся и...

— Олеська загибает пальцы и тут зависает. — О, смотри, начальство пришло.

Она резко выпрямляет спину, расправляет плечи. Я оборачиваюсь.

У барной стойки, где суется бармены, действительно стоит Андрей Борисович. На нем черная рубашка несмотря на то, что на улице солнце во всю жарит. И как он только еще не сварился?

Хотя... тут-то кондиционеры работают.

И тут он оборачивается и смотрит прямо мне в глаза. У меня внутри все сворачивается и съезживается, и я отворачиваюсь.

А Олеська, наоборот! Еще и улыбнулась.

— Хватит на него так смотреть, — шиплю ей тихо.

— Это он смотрит на нас, — довольная как кошка!

— Это потому, что ты его провоцируешь. Перестань глазеть и тогда...

— Неправда, — хитро улыбается, отпивая из чашки. — Я просто пью кофе...

— Ага... Вот черт, — я вижу, как к нам двигается уже знакомый мужчина. Как раз со стороны Олеси. Поэтому она его не видит. Она продолжает пялиться мне за спину! На этого... Андрея!

Тяжело вздыхаю. Ну а этому-то что нужно? Как там его? Амир?

— Доброе утро, девушки.

— Здравствуйте, — киваю сдержанно. — Вам что-то нужно?

— Да, — он улыбается, засунув руки в светлые брюки. — Хотел поздороваться и узнать, как вы себя чувствуете после вчерашнего инцидента.

Я что, по его мнению, барышня кисейная? От одного единственного мудака расплавлюсь?

— Все в порядке.

— Все хорошо, спасибо, — кивает Олеся. Она тоже сдержана. Кажется...

Кажется, я поняла, на кого она нацелилась..

Боже, Олеська, ну вот ты... ох, е-мае...

НА АНДРЕЯ. Ну, конечно. Поэтому этот Амир ей по боку.

— А вы не хотели бы сегодня... — начинает Амир, упорствуя, но тут раздается этот глубокий голос, который я никогда не забуду.

— Не хотели, — Андрей возникает как будто из воздуха! Я даже вздрагиваю. А потом одергиваю себя и собираюсь, как перед прыжком в пропасть. — Скройся.

Амир оборачивается и смотрит внимательно на Андрея.

Они молча скрещивают свои взгляды, словно шпаги. И мне кажется, словно сейчас в воздухе начнут летать искры!

Андрей играет желваками, но взгляд и не собирается отводить. А вот Амир улыбается и смотрит на меня.

— Дамы, приятного отдыха. Еще увидимся.

— Ага, — кидает на автомате Олеся, глядя только на Андрея, а я молча перевожу взгляд на лес за окном.

Вот же попали...

Раздается тихий скрежет, и я оборачиваюсь.

Андрей приставил стул к нашему столику и нагло сел!

— Приветствую, — холодно бросает он, поправив брюки небрежным, но четким движением рук. Откидывается на спинку стула.

Я невольно обращаю внимание на его руки. Коротко стриженные ногти на ухоженных пальцах. Напряженные сухожилия, рельефные мышцы предплечий обхватывает ткань завернутых рукавов черной рубашки... Движения сдержанные, четкие.

На запястье часы. Не золотые, но что-то мне подсказывает, что это не простые «Casio».

Моргаю и сглатываю вязкую слюну с цитрусовым привкусом...

— Мы вас не приглашали.

— Ника! — шикает на меня Олеся.

— Здорово, что это мой комплекс, и я могу делать здесь, что захочу, правда? — он щурится, улыбаясь одними только глазами. Я слышу в его голосе иронию и от этого возмущение внутри меня начинает резко набирать обороты.

Я считаю излишним отвечать. Только хмурюсь, глядя ему в его черные глаза.

— Москвички? — он переводит взгляд на Олеся.

— Да, — она кокетливо, но с достоинством улыбается, прикладывая руку к груди. — Я Олеся, а это моя подруга Ника.

— Вероника, — поправляю, хватаясь за вилку.

Я отчего-то в компании этого типа испытываю слишком огненную смесь переживаний, чтобы быть спокойной, и пытаюсь скрыть за этим движением свою нервозность.

— Приятно познакомиться. Какого цвета твои глаза? — Андрей неожиданно отталкивается от спинки стула и сокращает дистанцию со мной.

Я растеряно отшатываюсь.

— Неужели не видно?

— Вчера были серыми. А сегодня голубые. Интересно... А у тебя, — он поворачивается к Олеся. — Карие. Как шоколад. Круто.

По его ровному тону не скажешь, что круто! Как матрешек на выставке рассматривает.

— Что вам нужно? — не выдерживаю.

— Подошел принести извинения. Ты же этого хотела.

— О, это здорово, — кивает Олеся.

Я хлопаю глазами дико удивленная ее поведением. Да что это с ней?!

Смотрю на Андрея. Он внимательно сканирует меня. Извинения? Вот это да!

Я совсем этого не ожидала...

Только...

— Только извиняются не так. Почему-то от ваших извинений становится только хуже.

Уголок его рта дергается. Это он так улыбается? Или смеется? Этот черноглазый демон вообще умеет эмоции проявлять?

— Приношу свои извинения самой серьезной женщине в этом месте. Так пойдет?

Я молчу. Скриплю зубами.

Нет не пойдет! Вот вообще не нравится!

Уже хочу открыть рот, но тут чую, как под столом мне в лодыжку больно ударятся носок Олеськиной балетки.

Ай! Да какого черта?!

Смотрю на нее и как она пытается тайно (то же мне конспираторша!) подмигнуть, мол, завязывай выпендриваться!

Стискиваю зубы.

Андрей смотрит на меня выжидательно и с каким-то снисхождением.

А ресницы от у него какие... длинные, густые...

Мне бы такие!

— Извиняетесь вы так же ужасно, как и встречаете своих гостей, — отзываюсь холодно, сдерживая негодование. Стискиваю вилку в руке так, что еще чуть-чуть и согну. — Но так и быть. Этого достаточно. Мне от вас больше ничего не нужно.

— Правда? — он дергает бровью. — А у меня как раз есть

для вас уникальное предложение. Для вас обеих. Предлагаю переселиться ко мне в апартаменты.

— Куда, простите, переселиться?

— В мои апартаменты. Я в них живу. Это находится не в комплексе, а чуть в стороне, — он смотрит в окно и чуть машет в сторону леса. — Незабываемо проведете время.

— Э... — я аж опешила от его предложения. — То есть вы сейчас предлагаете нам переселиться из одного шикарного номера в другой, но который находится где-то, не зная где, и вернуться обратно?

— Нет. Я предлагаю вам обоим переселиться на все время вашего отдыха в мои личные апартаменты и сопровождать меня на сегодняшней вечеринке в качестве спутниц. Вам будут доступны лучшие напитки от лучших барменов нашей страны, вкусные блюда... — его говорит спокойно, размеренно кивая своим же словам, иногда взмахивая рукой, — ...такие, что пальчики не только оближешь, но и захочешь съесть. Прогуляемся, отдохнем, расслабимся. Я даже смогу уделить вам время и показать лучшие места этого туристического комплекса. Отдохнем, выпьем, займемся сексом.

ЧЕГО?!

Глава 14: В другой жизни.

— ...Отдохнем, выпьем, займемся сексом.

Я застыла, ошарашенная. Только глазами хлопаю, пытаюсь понять, он издевается или всерьез?

Олеся упирает руку локтем в стол и прячет удивленную улыбку за кулаком. Смотрит на меня. Ей весело... А мне вот вообще ни разу!

— Ага, — отмираю, наконец, — и кто, интересно, будет заниматься сексом?

— Все, — спокойно отвечает Андрей.

Он так хладнокровно об этом говорит, как будто предложил сигаретку выкурить втроем на пляже!

Это что вообще такое?

— Ага, угу... То есть вчера вы были против приглашать девушек по вызову в ваш отель, а уже сегодня вы не прочь и сами приобщиться к такому отдыху? Вы просто мастер переобуваний в воздухе!

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.